
ЛЕНА ГОЛД ВЕРА ШТОРМ
ИМРАН
Моя. Даже если ненавидишь
18+

Вера Шторм
Лена Голд
Имран. Моя, даже если ненавидишь

https://litres.ru/74744982
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты опозорила меня перед всеми родственниками, — Имран наступает на меня. Я прижимаюсь спиной к стене — бежать больше некуда. Муж нависает надо мной скалой.

— Сбежала... — подтверждаю.

— Ты предала меня, — положив руку на мое плечо, скользит вниз: грудь, локоть, а потом... живот. Хмурится, заглядывая в глаза. — Что за черт? Ты что, беременна?

— Беременна, — сглотнув, киваю. Врать бессмысленно.

— Ты скрыла от меня моего ребенка?! — выплевывает сквозь стиснутые зубы. — Ты...

— Не я, а ты! Во всем виноват именно ты! Изменил в день нашей свадьбы, — кричу в сердцах. — Быстро забыл! И теперь смеешь меня обвинять...

— Ты. Не имела. Права! — обрывает жестко. — Расплатишься. Переедешь ко мне, станешь покорной. Будешь делать все, что я потребую. Ясно тебе? Не понравится — родишь мне наследника,

а потом свалишь к чертовой матери. Своего ребёнка я воспитаю сам. В достатке!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	63
Глава 10	70
Глава 11	78
Глава 12	86
Глава 13	93
Глава 14	102
Глава 15	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Имран. Моя, даже если ненавидишь

Глава 1

Телефон, лежащий на полке над раковиной среди гор грязных тарелок вибрирует. Этот звук врезается в мозг сигналом тревоги.

Глядя на свои мокрые резиновые перчатки, мыльную жижу, в которой плавают остатки чужих обедов… На бесконечную гору посуды, которая растет быстрее, чем я успеваю ее мыть, думаю, стоит ли отвечать.

Я разослала резюме в несколько компаний. Может, кто-то звонит именно по этому поводу?

Хватаю мобильный. Экран забрызган водой, но сквозь капли я различаю незнакомый номер.

— Да, — говорю максимально тихо, чтобы Толик из моечного цеха, — профессиональный стукач, получающий удовольствие от чужих проблем, не услышал и не побежал докладывать управляющему.

— Алина Карахан? — женский голос на том конце провода звучит официально и сухо. — Вы можете говорить?

Сжав телефон между ухом и плечом, продолжаю тереть сковородку.

— Да-да, конечно, могу. Говорите, — тараторю я, хотя внутри все сжимается в тугой узел.

— Вам звонит Екатерина из отдела персонала компании «Альфа-Строй», — чеканит она. Каждое слово падает в меня, как камень в воду, расходясь кругами надежды. — Мы получили ваше резюме на вакансию помощника офис-менеджера и хотели бы пригласить вас на собеседование.

Сердце пропускает удар, а потом начинает биться в горле, перекрывая дыхание. Тот самый «Альфа-Строй»? Крупнейший холдинг в регионе, о котором мне рассказывала соседка по съемной квартире? Я отправляла туда резюме неделю назад и даже не надеялась, что его откроют, не то что прочитают.

— Я вас внимательно слушаю, — выдавливаю из себя, стараясь говорить спокойно, но предательская дрожь рвется наружу, норовя выдать мое отчаянное положение.

— Мы ознакомились с вашими данными, — продолжает Екатерина, и где-то на фоне я слышу щелканье клавиш. — У вас хороший опыт работы с документацией, вас похвалили, когда мы связались с компанией, где вы работали раньше. И отдельно мы отметили свободное владение английским. Начальник отдела хотел бы пообщаться с вами лично, поэтому мы и решили позвонить.

Не сразу понимаю, что говорит эта женщина. Они… звонили в офис Имрана, чтобы узнать обо мне? И меня похвалили? Это же… фантастика какая-то! Зачем им это нужно?

Они либо возьмут меня на работу, либо нет…

Замираю, перестав тереть сковородку, и та с глухим плеском падает обратно в раковину, подняв фонтан мыльных брызг.

— Сегодня, — безапелляционно заявляет Екатерина. — В семнадцать часов. Вы сможете подъехать к нам в офис?

Сегодня. Пять вечера. Я машинально поднимаю глаза на часы, висящие над раковиной прямо напротив меня, — тусклый циферблат показывает без пятнадцати два. Успеть бы отмыться от этого проклятого запаха ресторана, который въелся в волосы, кожу… В каждую клеточку тела. Найти во что переодеться, добраться через весь город. Но это все неважно.

Мне сейчас плевать на все, потому что тут я работать больше не могу. Спину ломит. А мне скоро рожать. На копейки, что отсюда получаю, ребенку невозможно дать нормальное будущее.

— Да, — выдыхаю я с такой силой, будто все это время не дышала. — Да, конечно, я обязательно приеду. Большое вам спасибо.

— Ждем вас, Алина. Я скину адрес на этот номер сообщением.

Впервые за три месяца ада, который начался в тот момент, когда я сбежала из дома Карахановых в свадебном платье, я улыбаюсь. За три месяца работы посудомойкой в этом проклятом ресторане, где к вечеру ноги гудят так, что я падаю

на продавленную койку в съемной комнате и не могу уснуть от боли в пояснице. За три месяца жизни в соседнем городе, где я прячусь, боюсь, что отец меня найдет и кошмарное прошлое настигнет меня и раздавит. Имрана я не боюсь. Но, судя по тому, что он даже не стал меня искать, я в день свадьбы сделала верные выводы: я ему не нужна.

Никто не искал. Никто.

Для Имрана и моего отца это как щёлкать пальцами.

Я окончательно это осознала неделю назад, и впервые за долгое время вместо привычной пустоты в груди появилось что-то похожее на кислород. Можно дышать. Можно жить. Можно работать. Не на ногах и не за копейки. И уж тем более не в этом аду.

Засовываю телефон в карман грязного фартука. В этот момент, как рыбка в воде в животе что-то толкается.

Четвертый месяц. Мой маленький секрет, который пока не видно под свободной кофтой, но который с каждой неделей дает о себе знать все отчетливее. Скоро станет видно всем. Поэтому надо зацепиться за нормальную работу сейчас, пока живот еще не выдает мое положение. И пока я похожа на обычную уставшую девушку, а не на ту, у которой разбито сердце и внутри растет новая жизнь, за которую я буду драться до последнего.

— Карахан!

Грубый голос как нож врезается в спину.

Вздрагиваю всем телом и резко оборачиваюсь, чувствуя,

как краска злости заливает щеки.

В дверях моечного цеха стоит Вадим Сергеевич — маленький, лысоватый мужчина с вечно красным лицом. Он смотрит на меня с таким выражением, будто я лично украла у него всю дневную выручку, подожгла ресторан и убила его любимую собаку.

— Ты чего встала посреди рабочего дня? — шипит он, приближаясь ко мне мелкими шагами. Желваки на скулах ходят ходуном. — В рабочее время по телефону разговариваем? Я тебе разрешал?

— Я на секунду, — отвечаю максимально спокойно, хотя внутри уже закипает лава. — Это был важный звонок, Вадим Сергеевич.

— Мне плевать, что у тебя там за звонки! — орет он так, что из зала выглядывают официантки. Я кожей чувствую их любопытные взгляды, впивающиеся в мою спину. — Работать надо! Тут посуда горой стоит, не продохнуть, а она лясы точит! Я тебе за что плачу? За разговоры с подружками?

Я молчу, стиснув зубы. А руки в перчатках сжимаются в кулаки так, что вода брызжет в стороны. Чувствую себя настолько бессильной… Потому что ответить этому кретину не могу. В глазах щиплет предательскими слезами.

Только бы не заплакать… Не доставлять ему этого удовольствия. Я в последнее время слишком чувствительной стала. Раньше могла прятать эмоции, а последние пару месяцев не получается.

— Взяла тряпку и работай, пока я добрый! — он тычет пальцем в раковину, едва не попадая мне в лицо. — Будешь борзеть — выгоню к чертовой матери и забудь про расчет! Таких, как ты, очередь стоит, поняла?

Он разворачивается и выходит так же резко, как появился, оставив после себя запах перегара и чувство унижения, оседающее на коже липкой пленкой.

— Тварь, — шепчу беззвучно, одними губами, глотая слезы. — Надеюсь, сегодня все пойдет прекрасно и я, наконец, избавлюсь отсюда.

Возвращаюсь к работе. Потому что деньги нужны. Есть тот маленький человечек внутри меня, которого я должна кормить, защищать и ради которого обязана терпеть этого ничтожного ублюдка.

Несмотря ни на что, глубоко внутри поет тонкая струна счастья.

Пять вечера. Офис. Нормальная работа…

Получаю деньги, сую купюру в карман джинсов, туда же телефон, который чудом не утонул сегодня в раковине.

В раздевалке стягиваю мокрый фартук, вешаю на крючок. Сменную одежду — старые джинсы и серую толстовку с капюшоном — храню в пакете, чтобы не пропахла рестораном. Быстро переодеваюсь. Толстовка свободная, скрывает то, что нужно скрывать. Капюшон накидываю сразу — ветер сегодня холодный. И не забываю про куртку.

Выхожу через черный ход, как всегда. Короткий коридор,

заваленный коробками, поворот, и я уже в общем зале.

Зал почти пустой. Только у бара скучает бармен, да за дальним столиком сидит мужчина. Один, спиной ко мне.

Прохожу мимо его столика, глядя из панорамного окна на то, как идет снег. И неожиданно врезаюсь плечом в мужчину, который идет навстречу.

— Ой, простите...

Опустив голову, делаю шаг в сторону.

— Аккуратнее.

Голос врезается в сознание как тысячи острых иголок.

Этот голос я слышала во сне три месяца. Этот голос шептал мне глупости по ночам. Этот голос обещал, что все будет хорошо. И этот же голос молчал в трубку, когда я звонила ему за несколько минут до свадьбы, а ответила женщина.

Нет.

Не может быть.

Нее поднимаю голову. Сжимаю в кармане деньги, заработанные потом и болью в пояснице.

— Извините, — выдавливаю хрипло и буквально бегу к выходу.

Это бред. Мое глупое воображение. Имран не может быть здесь. Я ему даром не нужна. Уверена.

Глава 2

Влетаю в подъезд, и только здесь, между этажами, позволяю себе остановиться.

Прислоняюсь спиной к холодной стене, закрываю глаза и пытаюсь дышать. Грудная клетка разрывается, легкие горят после бега.

Дура.

Какая же я дура.

Это не Имран. И быть не может! Я просто услышала голос, похожий на его, и мое больное воображение дорисовало остальное. Три месяца я учусь жить заново, собираю себя по кускам, а сейчас, достаточно одного случайного звука и я снова разбита.

Отталкиваюсь от стены и начинаю подниматься по лестнице. Лифт в нашей пятиэтажке сломался и чинить его никто не собирается.

Достаю ключи, вставляю в замок, и захожу в квартиру.

В коридоре горит свет. Из моей комнаты доносится тихая музыка, чтобы не беспокоить соседей снизу. На вешалке уже висит кожаная куртка, усыпанная блестками, а на полу валяются ботильоны на шпильке — один носом в стену, другой под вешалкой.

— Кир, занята? — кричу в сторону комнаты, хотя ответа не жду.

Музыка стихает, в коридор высовывается взлохмаченная голова с ярко-рыжими волосами, собранными в небрежный пучок.

— Я, — Кира появляется в проеме целиком, закутанная в длинный махровый халат, из-под которого торчат голые щиколотки. — О, живая. А я уже думала, ты там утонула в своей посудомойке.

— Почти, — стягиваю куртку, вешаю на крючок, следом толстовку. Под ней старая футболка, которую давно пора выкинуть. — Как смена?

Кира зевает, прикрывая рот ладонью, и трет глаза — тушь с вечера она так и не смыла, и теперь вокруг глаз разводы. Прямо как у панды.

— Нормально. Чаевых накидали прилично. Завтра купим торт, — она щурится, разглядывая меня. — Ты чего такая дерганая? Случилось что?

— Нет, — отвечаю слишком резко. — Просто устала. И замерзла.

Она смотрит с прищуром. Киру не проведешь. Она работает в клубе, танцует на шесте, как она это называет, «польдэнс для взрослых дядек с деньгами». И за два месяца, что мы живем вместе, успела выучить меня лучше, чем я сама. Потому что она каждый день видит ложь. В улыбках клиентов, в их обещаниях и деньгах, которые они оставляют на барной стойке, думая, что купили не просто танец, а саму женщину.

— Ладно, — тянет она, не веря в мои слова. — Не хочешь — не говори. Но имей в виду: я умею слушать и не задавать вопросов. Если когда-нибудь понадобится…

— Знаю, — улыбаюсь искренне. — Спасибо.

Кира — единственный человек в этом городе, который знает обо мне ровно столько, сколько нужно. Меня зовут Алина. Я сбежала от бывшего. Ищу работу. Больше никаких деталей. Она не лезет. Принимает мое молчание и платит половину аренды, не требуя исповедей.

Мы познакомились случайно — обе искали соседку в съемную двушку, пришли на просмотр в одно время, и здесь же договорились жить вместе.

Она спит днем, я ночью. Она приносит домой запах чужих духов и дорогого виски, я — запах жареного лука и хлорки. Мы встречаемся на кухне в промежутках между нашими жизнями и иногда говорим… ни о чем.

— Я в душ, — бросаю, стягивая футболку прямо в коридоре. — А потом на собеседование.

Кира, уже собравшаяся уползти в свою комнату, замирает.

— Чего? — она разворачивается так резко, что полы халата разлетаются. — Какое собеседование?

— В офисе. Помощник офис-менеджера, — стараюсь говорить буднично, но предательская улыбка так и лезет на лицо. — В «Альфа-Строе».

— Охренеть, — выдыхает Кира. Ее глаза превращаются в

два блюдца. — Это же серьезная контора. Ты как туда пробилась?

— Резюме отправила. Видимо, повезло.

— Алин, — подруга подходит ближе и хлопает меня по плечу. — Ты гений. Я всегда говорила, что твое место не в посудомойке. Ты слишком умная для этого дерьма.

— Посмотрим, что скажут на собеседовании, — пожимаю плечами, хотя внутри все поет от одной мысли, что сегодня вечером я могу стать ближе к нормальной жизни. — В любом случае, попытка не пытка.

— Во сколько?

— В пять.

Кира бросает взгляд на настенные часы в коридоре.

— Так у тебя полтора часа, — констатирует она. — А ты еще воняешь рестораном, и волосы как сосульки.

— Спасибо за комплимент, — фыркаю, понимая, что подруга права. От меня действительно разит жареным луком и дешевым моющим средством.

— Давай, бегом в душ. Я пока поглажу тебе блузку. Ту голубую, да?

— Да. Кроме нее нет нормальной.

— Отлично. И юбку надень. У тебя ноги красивые, надо пользоваться, — она подмигивает и исчезает в своей комнате, откуда доносится шум открываемого шкафа.

Захожу в ванную, смотрю на себя в зеркало.

Из отражения на меня смотрит уставшая девушка с тем-

ными кругами под глазами и впалыми щеками. Волосы тусклые, кожа серая. Три месяца посудомойки и постоянного недосыпа сделали свое дело. Но глаза... глаза горят.

Впервые за долгое время в них есть что-то кроме боли и страха.

Стягиваю джинсы, залезаю под горячую воду и позволяю себе постоять, чувствуя, как тепло растекается по забитым мышцам. Спина ноет. Поясницу ломит так, что иногда хочется лечь и не вставать. Тру живот гелем для душа, провожу ладонью по едва заметной выпуклости.

— Мы справимся, — шепчу я еле слышно. — Слышишь? Сегодня важный день. Поддержи меня.

Через двадцать минут выхожу из ванной, закутанная в полотенце, и натыкаюсь на Киру, которая уже стоит в коридоре с отглаженной белой рубашкой в руках.

— Держи. И вот это надень, — она протягивает мне узкую черную юбку-карандаш. — Моя. Ты тоньше меня, застегнешь. Будет сидеть идеально. В меня давно не влезает, — посмеивается подруга.

— Кир, не надо...

— Надо, — обрывает она. — Ты идешь на собеседование в серьезную компанию. Там встречают по одежде. А твои джинсы и толстовка... ну ты поняла.

Дорогая, качественная ткань. Кира покупает вещи в секондах, но у нее глаз-алмаз — она выуживает настоящие бренды за копейки.

— Спасибо.

— Иди уже одевайся, — она машет рукой. — И волосы высуши. Не смей идти с мокрыми.

Через полчаса я стою перед маленьким зеркалом в своей комнате и рассматриваю себя.

Блузка сидит идеально, черная юбка обтягивает бедра, делая талию тоньше. Волосы я высушила и уложила мягкими волнами — спасибо Кире, которая впихнула мне в руки свою плойку и заставила. На ногах единственные приличные туфли-лодочки на невысоком каблуке, купленные пару месяцев назад.

— Красотка, — раздается сзади голос Киры. Она стоит в дверях, скрестив руки на груди, и довольно улыбается. — Я же говорила. Ноги — огонь.

— Спасибо тебе, — поворачиваюсь к ней. — Правда. Я бы без тебя...

— Ай, перестань, — отмахивается она. — Иди уже, а то опоздаешь. И дай знать, как пройдет. Я буду волноваться.

— Обязательно.

Подруга наблюдает, как я натягиваю верхнюю одежду.

— Кир?

— М?

— Если меня возьмут, я тебе торт куплю. Самый дорогой, какой найдем.

— Договорились, — она улыбается. — Давай, Алин. Ты сможешь.

Ловлю такси — в последний раз могу себе это позволить, потому что нельзя приехать потной и мятой. Называю адрес. Машина трогается, за окном проплывают серые улицы чужого города, а я сжимаю в руках папку с документами и пытаюсь унять дрожь в коленях.

Это просто собеседование.

Просто разговор.

Шанс.

Я справлюсь.

Должна справиться!

Захожу в стеклянное здание. Волнуюсь ужасно. А в кабине лифта, где нахожусь не одна, чувствую знакомый запах.

У меня, кажется, паранойя.

Я потихоньку схожу с ума.

Глава 3

Стеклянные двери разъезжаются.

В холле очень много людей. Тут безумно красиво: высокий потолок, белые стены, кожаные диваны для посетителей. За стойкой ресепшена сидит девушка с идеальным макияжем и такой же идеальной улыбкой.

— Здравствуйте, я на собеседование в отдел персонала, — очень стараюсь говорить спокойно, но только бог знает, как нервничаю и трясусь. Вроде бы получается неплохо. По крайней мере, мне так кажется. — Екатерина Сергеевна приглашала.

Девушка сверяется с монитором.

— Алина Карахан? Да, вас ждут. Идите прямо налево. Кабинет номер 103.

— Спасибо.

Ладони вспотели.

Глубокий вдох. Выдох. Я просто иду на собеседование. Обычное собеседование. Ничего особенного вроде бы нет, но я впервые в таком серьезном месте.

Опять чувствую аромат. Знакомый до одури, до боли в зубах и спазма в горле. Древесный, терпкий, с горьковатой ноткой цитруса.

Беру себя в руки, остановившись у нужного кабинета. Обычная офисная дверь с табличкой «Отдел персонала».

Стучусь.

— Войдите.

Помещение небольшое, светлое, с большим окном во всю стену. За столом сидит женщина лет сорока пяти с короткой стрижкой и внимательными глазами. Очки в тонкой оправе, белая блузка, нитка жемчуга на шее. Идеальный офисный шик. На столе лежат аккуратные стопки бумаг, ноутбук, чашка то ли с чаем, то ли кофе.

— Алина? — она поднимается и протягивает руку. — Екатерина Сергеевна. Очень приятно.

— Здравствуйте, — пожимаю руку женщины. — Спасибо, что пригласили.

— Присаживайтесь.

Она указывает на стул напротив, и я сажусь, стараясь держать спину прямо и не трястись.

— Кофе? Чай?

— Нет, спасибо.

Екатерина Сергеевна садится, поправляет очки и смотрит на меня с легкой улыбкой. Не изучающе, а скорее доброжелательно. Это чуть-чуть расслабляет.

— Что ж, Алина, давайте сразу к делу, — она открывает папку, где уже лежат какие-то бумаги. — Ваше резюме я изучила внимательно. Оно хорошее. Но, как вы понимаете, резюме — это только бумага. Поэтому я сделала то, что делаю всегда с перспективными кандидатами, — позвонила на

ваше прошлое место работы.

Прошлое место работы — это компания Имрана. Там знают, что я была не просто сотрудником. Там знают, что я была женой владельца.

Хотя… Почему же было? Я до сих пор ею являюсь.

Да, как бы не бежала от бывшего мужа, умом всегда понимала, что мы рано или поздно снова встретимся.

Чтобы развестись.

Я до сих пор ношу его фамилию.

Пора бы ее сменить.

А потом попытаться стереть из памяти те несколько счастливых недель, что я провела с Имраном.

— И? — мой голос звучит на удивление ровно.

— И мне сказали, что вы были одним из лучших сотрудников отдела, — Екатерина Сергеевна чуть улыбается. — Охарактеризовали вас как ответственного, грамотного специалиста с отличными коммуникативными навыками. Сказали, что потеряли ценного работника, когда вы ушли.

Шумно сглатываю. Потому что этого я не ожидала. Совсем.

— Правда?

— Правда. Я разговаривала лично с вашим бывшим руководителем, — женщина заглядывает в записи. — Она очень тепло о вас отзывалась. Сказала, что вы никогда не опаздывали, не срывали дедлайны, а когда горел проект, могли за-

держаться и все доделать. Похвалила вашу стрессоустойчивость и умение работать с людьми.

— Я... приятно удивлена, — выдыхаю. — Не думала, что они будут так хорошо отзываться.

— Почему? — Екатерина Сергеевна чуть склоняет голову. — Были конфликты при увольнении?

— Нет, что вы. Никаких конфликтов. Просто... обстоятельства сложились так, что пришлось уйти очень быстро. Я переживала, что это могло оставить неприятный осадок.

— Судя по отзыву, никакого осадка не осталось. Наоборот, мне сказали: «Если Алина захочет вернуться, мы возьмем ее обратно с руками и ногами».

Я молчу. В горле образовывается колючий ком.

Что, черт побери, происходит?

— Поэтому, Алина, — Екатерина Сергеевна откладывает папку в сторону, — собеседование у нас с вами будет коротким. Мне не нужно проверять ваши навыки — их уже проверили на прошлом месте, и проверка была блестящей. Мне не нужно тестировать ваш английский — в резюме указано, и я верю, что раз вы так хорошо работали, то язык вы знаете на должном уровне. Мне нужно понять только одно.

— Что именно? — голос хрипнет.

— Почему вы хотите работать именно у нас и готовы ли вы к нашим условиям.

Облегченно выдыхаю. Это я могу объяснить.

— Я переехала в этот город недавно, — говорю макси-

мально честно. — Мне нужно встать на ноги, найти стабильную работу. «Альфа-Строй» — крупная компания с хорошей репутацией. Для меня это возможность вернуться в профессию. В нормальный ритм жизни, перестать выживать и начать жить.

— Выживать? — она цепляется за слово. — Настолько все плохо?

— Было плохо. Сейчас налаживается.

Налаживается, ага. Я сейчас готова отдать все, чтобы так же тихо развестись, как тихо было последние три месяца.

Имран не подал на развод, что удивительно еще больше. Почему?

С сестрой я разговаривала. Она мне ничего не сказала. Только то, что они с мамой переехали на следующий день после той ночи, что я сбежала. И что моего мужа не встречали.

Екатерина Сергеевна кивает. Вижу в ее глазах что-то похожее на понимание. Не жалость — ее я не вынесла бы. Именно понимание.

— Хорошо, — она встает и подходит к шкафу. — Тогда перейдем к условиям. Должность помощника офис-менеджера. Оклад, соцпакет, премии по результатам работы. Испытательный срок — два месяца, но, учитывая ваш опыт, думаю, это формальность. — Достает тонкую папку и кладет передо мной. — Трудовой договор.

На обложке папки логотип компании и знакомая надпись.

— Можете прочитать дома, — говорит Екатерина Сергеевна. — Но я сразу предупрежу: у нас есть политика подписания договора на минимальный срок. Компания вкладывает ресурсы в обучение сотрудников, нам невыгодна текучка.

— Какой срок?

— Год. Вы обязуетесь проработать в компании минимум один год. Если уйдете раньше — выплачиваете неустойку в размере трех окладов. Это стандартная практика.

Целый год в этом городе. На этой работе. С этой зарплатой, которая позволит мне встать на ноги, родить ребенка, обеспечить ему нормальную жизнь.

— Мне нужно подумать? — спрашиваю осторожно.

— Можете подумать, — пожимает плечами Екатерина Сергеевна. — Но вакансия горячая, желающие есть. Я готова дать вам время до завтрашнего утра. Если согласны — завтра приносите документы и выходите на работу. Если нет — будем искать дальше.

Автоматически вспоминаю утреннюю сцену в ресторане. Вадима Сергеевича с его вонючим запахом Гору грязной посуды. Боль в пояснице. Копейки, которых едва хватает на еду.

Вспоминаю Киру, которая отдала мне свою лучшую юбку.

И маленькую жизнь внутри себя, которая толкается и требует будущего.

— Я согласна. Давайте договор.

Екатерина Сергеевна кивает, будто именно этого ответа и

ждала.

— Читайте внимательно. Особенно пункты о конфиденциальности.

Вчитываюсь в каждую строчку, каждый пункт. Обязанности, права, ответственность. Срок действия — один год с возможностью продления.

Ставлю подпись внизу каждой страницы. На последней — число и роспись.

— Поздравляю, Алина, — Екатерина Сергеевна протягивает руку. — Завтра жду вас в девять утра. Паспорт, ИНН, трудовая книжка. Можете нести оригиналы, мы снимем копии и вернем.

— Спасибо большое. Я приду.

— Вот и отлично. Тогда до завтра.

Попрощавшись, выхожу из кабинета на ватных ногах.

Покидаю здание, поднимаю голову к небу, и именно в этот момент чувствую толчок внутри. Прижимаю ладонь к животу и улыбаюсь.

— Я рад, что ты опять в моей власти, — слышу позади мужской голос. Вздрагиваю, резко разворачиваюсь. Улыбка слетает с лица. — Ну, здравствуй, женушка…

Глава 4

Поворачиваюсь на голос так резко, что шею простреливает острой болью. Мой мозг отказывается верить тому, что видят глаза.

Передо мной стоит Имран Карахан. Да, это мужчина, с которым три месяца назад должна была состояться наша шумная свадьба. Но вместо этого он целовал другую женщину за несколько минут до церемонии. А сейчас пялится на меня с таким выражением, которое я не могу прочитать… Несмотря на его слова, которые он только что произнес, взгляд у него не злой, даже не торжествующий… Будто я не та женщина, которую он заставил ждать в свадебном платье, а сам терся об другую в том же доме, где находились гости и я — его законная жена. Смотрит так, словно я его личная добыча, которую он наконец-то загнал в ловушку.

Внутри все обрывается, словно кто-то перерезал канат, на котором я держалась последние три месяца. Я лечу вниз, в темноту, не понимая, где земля, а где небо. Где боль, где страх… Вижу только его глаза, голос и аромат… Запах, от которого до сих пор кружится голова, хотя я поклялась себе, что больше никогда не позволю этому случиться. Колени становятся ватными, ладони ледяными, сердце бьется так сильно, что я слышу эти звуки в ушах. Мне кажется, что еще секунда и я упаду прямо здесь. На ступеньках этого прокля-

того офиса, в котором только что подписала себе приговор на целый год.

Я прекрасно понимаю, что мое тело сейчас реагирует не на угрозу, а на человека, который стал для меня одновременно спасением и проклятием. Потому что за три месяца до побега Имран был не просто мужем по контракту. Он был тем, кто вытащил мою мать из ада. Кто дал защиту Алисе, кто смотрел на меня так, будто я самое ценное, что у него есть. И именно поэтому его предательство стало не просто обидой, а тем, что разрушило мою картину мира. Если уж он — человек, который казался мне надежнее скалы, — оказался способным на такую ложь, то на что вообще можно опереться в этом мире?

Так и смотрю на него как загипнотизированная, и не узнаю — или, наоборот, узнаю слишком хорошо… До каждой черты, морщинки возле глаз, которые всегда появлялись у него, когда, пусть и редко, но улыбался мне.

Стоит в своем идеальном костюме. Такой высокий, красивый и недосягаемый…

Взгляд Имрана заставляет меня забыть, как дышать. И я не знаю, почему так реагирую. Ведь не вижу ни гнева, ни презрения… Что-то вроде удовлетворения от того, что нашел меня. Будто ждал этого момента все три месяца.

Но если ждал, почему молчал? Если искал, почему не нашел раньше? Я не скрывалась, просто жила в соседнем городе, работала там, где брали без оформления. Или он дей-

ствительно не хотел меня возвращать? Или ему было все равно? Тогда зачем эти слова — «я рад, что ты опять в моей власти»? Что это: желание контролировать? Чувство собственника, которому не нравится, когда его вещь исчезает без спроса? Или что-то другое? Я перестала понимать этого человека. И, кажется, никогда не понимала.

Но, уверена, будь у него желание, давно бы заставил меня вернуться к нему.

А если не искал… Не возвращал… Значит, не нужна была.

Сейчас, глядя на него, я впервые задаю себе вопрос, на который раньше боялась ответить: а была ли я ему нужна вообще? Или я была просто инструментом в его игре с моим отцом? Красивой пешкой, которую удобно использовать, а потом заменить другой? Ведь для него, наверное, все женщины — расходный материал. Он берет, что хочет, а когда надоедает — выбрасывает. И я была такой же. Просто вовремя ушла сама.

Сейчас что изменилось? Слова Имрана о том, что я опять в его власти — это же прямой намек на то, что теперь он мой… босс? Я же верно понимаю?

Он хочет, чтобы я работала под его началом. Хочет видеть меня каждый день. Зачем? Чтобы наслаждаться моими мучениями? Чтобы доказать себе, что я все еще подчиняюсь ему? Или в его больной голове это называется «вернуть жену»? Я же для него никогда не была женой в полном смысле

этого слова. Просто женщина, которая должна сидеть дома, возможно, рожать детей и не задавать вопросов. А он будет делать то, что хочет.

Или же, что самое логичное, просто хочет отомстить…

Может, действительно стоило тогда поговорить?

Каждую ночь последних трех месяцев я прокручивала в голове тот день. Представляла, как заходила в ту комнату, смотрела на них и говорила: «Объяснись». И в моих фантазиях он говорил, что это ошибка. Что это не то, что я думаю. Но сейчас, глядя на эту блондинку, которая стоит рядом с ним так, будто имеет на него полное право, я понимаю, что никакой ошибки не было. Она не случайная гостья.

Открываю рот, чтобы сказать хоть что-то — спросить, почему не искал, почему не подал на развод, почему смотрит на меня так, — но не знаю, как начать. Ведь каждый мой вопрос — полнейший бред. Зачем ему искать меня, если я бросила его в тот день, когда собрались очень много влиятельных людей и родственников. Ведь он явно тогда не ожидал такого удара и злился на меня…

Я поставила его в неловкое положение. Я сбежала в день свадьбы, оставив его одного перед гостями. Это удар по его репутации, а для такого человека, как Имран, репутация — это все. Возможно, он злится не потому, что я ушла, а потому, как я это сделала. И сейчас он хочет не меня, а удовлетворения своего самолюбия. Хочет показать, что я все равно от него никуда не денусь. Что он меня достанет и заставит

подчиняться.

Я хочу закричать на него, хочу ударить его по красивому лицу… Хочу разрыдаться и упасть в его объятия одновременно. Это безумие, да. Это полное безумие — хотеть человека, который разбил тебя, предал. Который целовал другую за несколько минут до того, как ты должна была выйти к гостям в свадебном платье, держась с ним за руку.

Ненавижу себя за эту слабость. За то, что мое тело помнит его прикосновения, а сердце все еще бьется быстрее, едва слышит его голос. За то, что, несмотря на всю боль, я все еще хочу верить, что между нами было что-то настоящее. Но, наверное, это и есть самая жестокая ловушка любви — ты продолжаешь чувствовать, даже когда знаешь, что чувствовать не за что.

Прежде чем я успеваю произнести хоть слово, слева раздается звонкий, уверенный женский голос:

— Имран, ты не идешь? Я же тебя жду.

Поворачиваю голову и вижу высокую блондинку в облегающем платье цвета бордо, с идеальной укладкой и длинными ногами. Она стоит на ступеньках выше, одной рукой опирается на перила, а в другой держит сумку. Ее поза выражает нетерпение и раздражение. Она явно привыкла, чтобы ее ждали, а не наоборот.

Она, наверное, была не единственной — вот что моментально приходит в голову. Пока я спала в постели Имрана и он шептал мне глупости по ночам. Пока называл своей и

обещал защищать, у него была она, а может быть, и другие. А я была для него удобной и подходящей.

Сейчас, глядя на эту женщину, я вижу себя со стороны. Такой же красивой куклой, которой он пользовался, пока не надоело. Разница лишь в том, что я поверила в его слова. Я приняла его защиту за любовь, заботу за нежность, а желание обладать мной за желание быть со мной. А он просто коллекционирует женщин. Или использует их для своих целей.

Да, действительно защищал. Помогал не только мне, но и моим родным, которые, благодаря ему, оказались на свободе и смогли уехать подальше от города, где живет отец. Да, теперь они не страдают. Как и я, казалось бы…

Но я страдаю. Каждый день. Каждую ночь. Я страдаю от того, что он сделал со мной. От того, что разрушил мою веру в людей, любовь и себя. Он показал мне рай, а потом столкнул в ад. И я до сих пор не могу понять, было ли то, что между нами происходило, настоящим? Или я просто придумала себе сказку, а он играл свою роль, чтобы получить то, что хотел?

У него ничего не получится!

Я сильная. Я научилась улыбаться, когда внутри горит. Научилась держать спину прямо, когда ноги подкашиваются. Научилась делать вид, что мне все равно, когда каждое воспоминание о нем режет без ножа. И сейчас, стоя здесь и глядя на него с другой женщиной, я чувствую, что моя броня дает трещину. Еще немного и я рассыплюсь.

Мысль, которая возникла до появления этой девицы — о том, что, может быть, не надо было сбегать. Стоило зайти, поговорить, понять его мотивы, дать ему шанс объясниться, — сейчас рассыпается в прах. Превращается в пепел, который обжигает мне горло и глаза. Потому что никаких объяснений не существует. Никакой причины, которая могла бы оправдать его поступок. Он предал меня. И сделал это осознанно. Продолжает делать, не пытаясь спрятать эту женщину.

Имран, что удивительно, смотрит не на блондинку, а на меня.

Его взгляд, в котором нет ни радости и ни злости, прикован ко мне. Имран просто напряжен. Он, кажется, хочет что-то сказать, но мне уже все равно. Я больше не хочу разгадывать его загадки.

— Не заставляй ждать девушку, Имран, — зло усмехаюсь, глядя ему в глаза.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но он ловит меня за локоть, дёргает на себя. Слишком грубо!

— Чтобы завтра в девять была здесь. Ясно тебе?

— Я прекрасно знаю свои обязанности, — цену сквозь стиснутые зубы. — Не указывай мне.

— Три месяца назад ты показала, какой ты можешь быть.

— Конечно. Ответила тебе той же монетой. Предательству предательством. Не понравилось?

— Что ты несёшь, твою мать?! — рычит мне в лицо.

— Имра-а-ан… — тянет девица.

Карахан злится. Желваки хотят на скулах. Ветка на шее бешено бьется. Стараюсь не смотреть ему в лицо, пялюсь на шею, а там такое зрелище…

— Иди-иди. Как-никак, завтра встретимся.

— Обязательно. Превращу твою жизнь в ад. Будешь жалеть, что не вышла за того, за кого тебя выдавал отец.

Глава 5

Влетаю в квартиру, скидываю туфли в коридоре и прислоняюсь спиной к двери. Закрываю глаза, будто это может остановить хаос, который развернулся у меня в голове.

Сердце разрывается, дыхание сбито, но я уже не бегу — стою, пытаясь понять, что произошло минуты назад и почему я вообще позволила себе хотя бы на секунду подумать, что могла поступить иначе в тот день. Потому что мысль о том, что надо было тогда не сбегать, а зайти и поговорить, разобраться, выслушать его версию, — снова подкрадывается, как вор. Как предательница, которую я не могу выгнать из своей головы. Я ненавижу себя за эту слабость. За то, что даже после всего, что я увидела сегодня, во мне все еще теплится дурацкий, болезненный огонек надежды.

Но в ту же секунду перед глазами встает та блондинка в бордовом платье, с ее хозяйским голосом и видом женщины, которая имеет право на него. Которая ждет его, и, возможно, была с ним в тот самый день, когда я стояла в свадебном платье, держа в руках букет и веря, что моя жизнь наконец-то становится по-настоящему счастливой. И эта мысль, как ледяная вода или как удар под дых, вмиг обжигает меня изнутри. Весь мой карточный домик сомнений, все эти «а что, если» и «надо было» рассыпаются в прах, потому что… Какая разница, что бы он сказал… какие бы слова ни подо-

брал, факт остается фактом — он целовал другую женщину в день нашей свадьбы, в доме своих родителей, где гости уже ждали церемонии. Где я ждала его, где все было готово для того, чтобы стать началом нашей общей жизни.

Отталкиваюсь от двери, прохожу в комнату, стягиваю блузку и юбку, которые пахнут тем офисом и, кажется, его запахом. Бросаю их в стиральную машину, будто это может стереть из памяти сегодняшний день. Захожу в душ, открываю воду на максимум и стою под горячими струями, пока кожа не начинает гореть и пар не заполняет всю ванную. Но даже это не может прогнать холод, который поселился в груди и, кажется, пустил там корни навсегда.

Выхожу, заворачиваюсь в махровое полотенце и смотрю на себя в зеркало. На свое отражение, которое за последние три месяца научилось выглядеть спокойным, когда внутри шторм. Я вдруг понимаю, что не помню, когда в последний раз смотрела на себя и видела Алину, которая верила в людей. Которая умела доверять, не боялась открыться. Пялюсь на свои красные, уставшие глаза, под которыми образовались темные круги, и понимаю, что сегодняшняя встреча не просто вскрыла старую рану, она показала мне, что я до сих пор не залечила ее. Просто научилась притворяться, что ее не существует. И жить с этим, как с фантомной болью, которая не дает покоя, но к которой привыкаешь настолько, что перестаешь замечать.

Иду на кухню, наливаю себе чай, но не пью — держу круж-

ку в руках, чувствуя тепло, которое совершенно не согревает. Гляжу на часы: уже одиннадцать ночи, а я до сих пор не могу успокоиться. Не могу перестать думать о завтрашнем дне, и о том, что мне вставать в семь, ехать в тот офис, начинать новую работу. Работать там, где он, и где я буду видеть его каждый день. Где мне придется смотреть ему в глаза и делать вид, что ничего не произошло, что он для меня — всего лишь владелец компании. Чужой человек. Мужчина, который когда-то был моим мужем, а теперь стал моим боссом.

Бросаю взгляд на книжную полку, беру наугад первый том — роман, который Кира притащила из секонда вместе с одеждой. Однако слова не складываются в предложения, буквы расплываются, потому что в голове один и тот же вопрос: как мы будем работать вместе? Как я смогу сосредоточиться на документах и поручениях, если каждую секунду буду чувствовать его присутствие? Если каждый раз, когда откроется дверь, мое сердце будет замирать в ожидании, что это он? Я понимаю, что это саморазрушение, что я должна отделить личное от рабочего. Что я профессионал, который прошел через многое и умеет держать лицо, но теория и практика — это две разные вселенные. И сейчас, в тишине своей съемной комнаты, я не уверена, что смогу быть той железной леди, которой так хочу быть.

Откладываю книгу, начинаю ходить по комнате. Переставляю вещи на полке, протираю пыль. Заправляю постель,

которую только что расстелила, — я ищу любое занятие, лишь бы не оставаться наедине с мыслями, которые разрывают меня изнутри. Но чем больше я двигаюсь, чем больше занимаю руки, тем громче становится голос в голове, который спрашивает: а что, если я не справлюсь? Что, если я сломаюсь? Что, если увижу его завтра и просто не смогу войти в кабинет? Что, если он начнет задавать вопросы, на которые я не готова отвечать? Что, если он будет смотреть на меня так же, как сегодня, — тем взглядом, который я не могу расшифровать, но который заставляет меня забыть, как дышать?

Сажусь на край кровати, смотрю в стену и понимаю, что самое страшное даже не это. А то, что я до сих пор не знаю, чего хочу. Потому что часть меня… Та глупая, наивная, которая еще жива, несмотря ни на что, хочет верить, что сегодняшняя встреча была не случайностью. Что он действительно искал меня, что его слова о власти были не угрозой, а признанием в том, что я ему нужна. Но другая часть, которая выжила, строила себя заново из обломков, — эта часть знает: человек, который любит, не целует другую за несколько минут до свадьбы. Человек, который ценит, не ставит свою женщину в ситуацию, когда ей приходится выбирать между достоинством и прощением. Человек, который достоин доверия, не заставляет сомневаться в каждой минуте, проведенной вместе.

И я не знаю, какая из этих частей победит завтра, когда я

переступлю порог того офиса, но знаю точно, что я должна попытаться. Потому что у меня нет права на слабость. Ведь я не одна. Я обязана думать о своем малыше.

Часы показывают половину второго, когда я слышу, как в замке поворачивается ключ. В коридоре раздаются знакомые шаги, шуршание куртки и стук каблуков.

Она заходит в мою комнату.

— Алин? Ты не спишь? — ее голос звучит удивленно, потому что обычно в это время я давно проваливаюсь в тяжелый сон.

— Не спится, — отвечаю. Кира стоит в дверях моей комнаты, прислонившись плечом к косяку. В одной руке держит бумажный пакет, а во второй телефон.

— Что случилось?

Я открываю рот, чтобы сказать «ничего». Отмахнуться, снова спрятаться за своей привычной броней, но смотрю в ее полные тревоги глаза, и понимаю, что не смогу врать.

— Я встретила его, — выдыхаю. Это простое слово — «его» — вмещает в себя все: три месяца боли, сегодняшний шок, его взгляд, голос. Женщину… И весь тот день, который я пыталась похоронить.

Кира замирает, удивленно распахнув глаза. Она заходит в комнату, садится рядом со мной на кровать, не задавая лишних вопросов. Ждет, давая мне время собраться.

— В офисе, куда я ходила на собеседование, — продолжаю. Слова даются с трудом. — Он владелец компании. Я не

знала. Я не знала, что он имеет к этому отношение.

— Господи, — выдыхает Кира, прижимая ладонь к губам. — И что? Что он сказал? Что ты сказала?

— Ничего, — пожимаю плечами, ощущая, как легкость, с которой я пытаюсь изобразить равнодушие, на самом деле слишком тяжелая для хрупкой и беззащитной меня. — Я не успела ничего сказать. Появилась какая-то женщина. Красивая блондинка с видом собственницы.

Кира молчит, хоть и зная ее характер, она сейчас сказала бы много слов, которые успокоили бы меня и придали бы сил и уверенности.

— Я думала, — говорю, глядя в стену, потому что смотреть на подругу сейчас слишком тяжело, — я думала, что, может быть, надо было тогда не сбегать. Может, надо было зайти и поговорить. Выслушать его. Дать ему шанс объясниться.

— А теперь? — тихо спрашивает Кира.

— А теперь я понимаю, что никаких объяснений не существует. Если бы он хотел что-то объяснить, он бы искал меня. Если бы ему было не все равно, он бы не стоял сегодня с другой женщиной. Если бы я была для него больше, чем просто... просто женой, он бы вел себя иначе.

— Может, это к лучшему, — слышу в ее голосе надежду, которую она пытается мне передать. — Что вы встретились именно так. Ты увидела его со своей женщиной. И теперь ты точно знаешь, что не ошиблась, когда ушла.

— Я просто не могу понять… Кир, он на самом деле многое для меня сделал. И для меня, и для моей семьи. Я ему верила гораздо больше, чем самой себе. Может быть именно поэтому мне так больно. Именно из-за этого я страдаю до сих пор и не могу выкинуть из головы.

Кира сжимает мое плечо.

— Ты просто влюбилась, — шепчет она. — Когда ты беззащитна и тебя постоянно поддерживает какой-то мужчина, он становится для тебя героем. Начинаешь доверять, не ждёшь подвохов. Именно поэтому тебе так больно, поверь мне. Будь ты к нему равнодушна… Тебе было бы все равно, кого он и где трахает.

— Боже мой… Кира, не разговаривай так, — качаю головой. Кусаю нижнюю губу, а потом горько усмехаюсь. — Моя вина. Он же говорил, чтобы я не влюбилась. Предупреждал… Отчетливо дал понять, чтобы я не испытывала к нему чувства. Но я…

— Алин, ты справишься. Просто... не оставайся с ним одна. И вот, — подруга кладет на кровать бумажный пакет. — Я тебе купила новую блузку и юбку. Только погладить надо. И обувь… Чтобы выглядела самой лучшей. Хочу, чтобы ты не теряла уверенность. Слышишь? У тебя все получится. Не дай себе раскиснуть. Ты достойна всего самого лучшего. А твой бывший… Он еще пожалеет, что лишился такой красотки, как ты.

Глава 6

Ночь оказывается бесконечной.

Я ворочаюсь в постели, пересчитывая секунды по тусклому свету фонарей, который пробивается сквозь тонкие занавески. Каждая минута тянется как час, потому что стоит мне закрыть глаза, как перед внутренним взором встает его Имрана. Взгляд, который я не могу расшифровать, и та женщина в бордовом, которая имеет право называть его по имени и ждать его. Я снова прокручиваю в голове все возможные сценарии завтрашнего дня. Представляю, как войду в офис, поднимусь на нужный этаж, открою дверь и увижу мужа. Или не увижу… Эта неизвестность сводит с ума. Я пытаюсь успокоить дыхание, но мысли не отпускают. Они кружат вокруг одного и того же, как хищные птицы. Напряжение скручивает мышцы, поясницу снова начинает ломить от того, что я не могу найти удобное положение. Живот уже дает о себе знать, и даже на боку лежать становится некомфортно. А может быть, это просто нервы, которые превращают мое тело в сплошной ком боли и тревоги.

В какой-то момент я проваливаюсь в забытье, где нет снов. Есть только темнота и чувство падения. Просыпаюсь от того, что будильник на телефоне разрывает тишину противным, настойчивым звонком. Часы показывают половину седьмого, за окном еще серо. Понимаю, что спала от силы

три часа — этого слишком мало, чтобы восстановить силы, но достаточно, чтобы чувствовать себя разбитой, будто меня переехала машина. И все же я заставляю себя встать, потому что у меня нет права на слабость. Сегодня первый день моей новой жизни, и от того, как я его начну, зависит очень многое.

На кухне тихо. Кира еще спит после ночной смены, а я стараюсь не шуметь. Передвигаюсь на цыпочках, хотя каждый шаг дается с трудом — ноги ватные, голова тяжелая. Мне хочется залезть обратно под одеяло и спрятаться от всего мира, но я беру себя в руки, ставлю чайник и смотрю на бумажный пакет, который Кира оставила на стуле. Внутри разливается тепло, когда я вспоминаю, как вчера она сказала: «Я хочу, чтобы ты выглядела самой лучшей».

Достаю из пакета блузку и юбку. Кира настоящая волшебница, которая умеет читать мысли. Я ведь хотела купить новую одежду.

Юбка — классический черный карандаш, сидит как влитая, подчеркивает талию и скрывает то, что нужно скрывать, а блузка белоснежная, шелковая, с легким блеском, который делает кожу свежее, а глаза ярче. Я не знаю, сколько она отдала за эти прелести, но мысленно обещаю себе, что верну долг, как только получу первую зарплату. Последние месяца были для меня настолько тяжелыми, что сейчас обычная дружеская поддержка кажется мне безумно ценным.

Глажу блузку и юбку. Приняв быстрый душ, одеваюсь.

Собираю волосы в высокий хвост — выгляжу строго. Наношу легкий макияж.

Кира спит, и я не решаюсь ее будить, хотя мне хочется подойти, обнять ее, сказать спасибо. Я пишу ей сообщение: «Я ушла. Спасибо за все. Ты лучшая».

Выхожу из квартиры, чувствуя, как сердце снова начинает колотиться, потому что впереди неизвестность, и я не знаю, что меня ждет за дверями офиса.

Ловлю такси. Машина трогается, а я пялюсь на прохожих и удерживать мимо машин. Не могу выкинуть из головы лицо Имрана.

Интересно, та девица знает, что Имран Карахан женат?

Телефон в сумочке начинает вибрировать, и я достаю его, ожидая увидеть сообщение от Киры или, может быть, звонок от Екатерины Сергеевны. Но на экране высвечивается номер ресторана, где я работала последние три месяца. Где меня унижали, где я мыла горы посуды за копейки, где Вадим Сергеевич каждый день напоминал мне, что я никто.

Конечно, мне стоит взять трубку и сказать, что нашла отличную работу и больше не приду. Однако услышу крики и очередные оскорбления. Зачем тратить нервы, время и энергию, которые мне сегодня понадобятся для гораздо более важных вещей? Зачем позволять бывшему начальнику испортить мне утро, когда у меня есть шанс начать день с чистого листа? Я сбрасываю звонок, убираю телефон в сумку

и делаю глубокий вдох.

Телефон вибрирует снова — он отправил голосовое сообщение, но я не стану слушать.

Захожу в офис, подхожу к стойке ресепшена. Девушка что вчера встречала меня, говорит, что меня ждут на третьем этаже, и что мне выделили отдельный кабинет. Не верю своим ушам, потому что я думала, что у меня будет место в опен-спейсе, где сидят все сотрудники. Но оказывается, должность помощника офис-менеджера предполагает отдельное помещение для работы с документами и приема посетителей.

Поднимаюсь на лифте — на этот раз одна, и в кабине никого нет. Успеваю выдохнуть, прежде чем двери открываются на третьем этаже. Иду по коридору, нахожу кабинет с табличкой «Алина Карахан. Помощник офис-менеджера». Останавливаюсь перед дверью, чувствуя стуки грохочущего сердца.

Захожу внутрь. Светлая комната с большим окном, выходящим на утренний город. На столе лежит компьютер, органайзер с ручками, блокнот с логотипом компании.

Сажусь в кресло, провожу рукой по гладкой поверхности стола. Внутри разливается странное чувство, похоже на то, когда после долгого плавания ты наконец касаешься дна ногами и понимаешь, что ты в безопасности. По крайней мере, сейчас, в эту минуту, я чувствую, что я на месте.

Открываю окно, впуская свежий воздух. И смотрю на го-

род, который постепенно просыпается. На солнце, которое пробивается сквозь облака.

Три месяца назад я сбежала в свадебном платье, разбитая и уничтоженная, не зная, что делать дальше. Еще вчера я мыла посуду в ресторане, забивая боль физической усталостью. Неделю назад решила, что хватит прятаться. А сегодня я сижу в своем собственном кабинете.

Странно ли? Очень.

На столе лежат несколько папок. Открыв одну, пытаюсь вникнуть.

Стук в дверь заставляет меня поднять голову.

— Войдите.

На пороге появляется женщина лет тридцати пяти с коротким каре и пронзительными серыми глазами. На ней строгий темно-синий костюм, на шее — тонкая цепочка с маленькой подвеской, в руках планшет и папка с бумагами.

— Алина Карахан?

— Да, здравствуйте, — встаю, протягиваю руку, которую женщина сразу же пожимает.

— Лидия Анатольевна, заместитель руководителя административного департамента, — представляется она, опускаясь в кресло напротив. — Екатерина Сергеевна передала, что вы приступаете сегодня. Я буду курировать ваше обучение в первую неделю.

— Очень приятно. Я готова приступить в любой момент.

— Давайте сразу обозначу основные зоны ответственно-

сти, — начинает она. — Вы отвечаете за документооборот между отделами: входящая корреспонденция, исходящие письма, договоры, которые проходят через офис-менеджера. Все, что приходит на общую почту административного отдела, фильтруете вы. Важное — перенаправляете мне или напрямую руководителям профильных департаментов в зависимости от тематики. Второе направление — организация встреч и переговорных. У нас есть внутренняя система бронирования, я дам вам доступ, но пока будете работать через меня. Третье — канцелярия и хозяйственная часть: заказ воды, расходных материалов, контроль за исправностью оргтехники на этаже. Список подрядчиков и телефоны есть в этой папке.

Она протягивает мне толстую папку. Я принимаю ее, чувствуя вес не столько бумаги, сколько ответственности, которая на меня ложится. Лидия Анатольевна продолжает, не дожидаясь моих вопросов:

— У нас в компании принято, что помощник офис-менеджера работает в тесной связке с секретариатом руководства. Это значит, что иногда вам будут поступать поручения от личных ассистентов топ-менеджеров — подготовить документы к совещанию, распечатать материалы, организовать кофе-брейк. Все это тоже в зоне вашей ответственности. График ненормированный, но вы, насколько я знаю, предупреждены.

— Да, меня предупредили, — киваю, стараясь запомнить

каждое слово, хотя информация льется потоком, и я боюсь что-то упустить.

— Сейчас я покажу вам, как работает наша внутренняя система документооборота, — она разворачивает планшет. Вижу интерфейс, который мне предстоит освоить. — Это несложно, но требует внимательности. Каждый документ, который вы регистрируете, имеет свой номер и статус. Потерять документ у нас невозможно — система отслеживает каждый шаг. Ваша задача — вовремя ставить отметки о передаче, иначе документ зависнет на вас, а это штрафные санкции для отдела.

— Штрафные санкции? — переспрашиваю. Напряжение возрастает.

— Премия департамента зависит от своевременности прохождения документов, — спокойно объясняет Лидия Анатольевна. — Если вы задерживаете документ, это бьет по всем. Поэтому первый и главный принцип — не копить бумаги. Пришло — обработал — отправил дальше. Вопросы есть?

— Пока нет. Вопросы появятся, когда начну работать с системой.

— Разумно, — кивает она и встает. — Первую неделю я буду заходить два раза в день, проверять, как идет работа. Если что-то непонятно — спрашивайте сразу. В нашей компании не принято делать вид, что все понял, а потом проваливать сроки. Лучше переспросить три раза, чем один раз

ошибиться.

— Хорошо, я запомню.

— И еще, Алина. Вам предстоит работать со всеми отделами, включая руководство. Будьте готовы к тому, что иногда поручения будут поступать напрямую, минуя меня. В таких случаях действуете по тому же принципу: если задача в вашей компетенции — выполняете, если нет — перенаправляете тому, кто за это отвечает. И никогда не бойтесь сказать «я не знаю, но сейчас узнаю». Это лучше, чем обещать то, что вы не можете гарантировать.

— Огромное спасибо. Очень рада, что я имею дело с таким прекрасным человеком, — искренне благодарю ее. Ведь это могла бы быть стервозная самодовольная мадам.

— Не за что. И… — замолкает на секунду, задумываясь. Будто хочет что-то спросить, но не решается. — У вас с Имраном Каримовичом одинаковая фамилия. Вы же… Не родственники?

Глава 7

Время буквально останавливается.

«У вас с Имраном Каримовичем одинаковая фамилия. Вы же… Не родственники?»

В глазах Лидия Анатольевны вижу обычное женское любопытство. Желание понять, кто сидит перед ней, потому что в мире корпоративных джунглей информация — это валюта, а связи — защита. Она вроде бы не враг, но в то же время та, кто завтра же расскажет коллегам все, что узнает. Даже не со зла, а просто потому, что так устроены люди в любом офисе. В любой стране и компании.

Я открываю рот, чтобы ответить, но в голове проносится вихрь мыслей, каждая из которых тянет меня в свою сторону.

Если я скажу правду — что я его жена, с которой он не развелся… — новость разлетится по компании быстрее, чем любой внутренний меморандум. К обеду обо мне будут знать все, а к вечеру обрастет такими деталями, которых не было и в помине.

Если я скажу, что мы родственники, — это ложь. Ложь, которую легко проверить. В мире, где у всех есть доступ к соцсетям и базам данных, соврать о родстве с Имраном Караханом — это все равно что подписать себе приговор на вечное недоверие. Рано или поздно правда выплывет, и тогда меня будут считать не просто женой босса, а вруньей,

которая пыталась выдать себя не пойми за кого. И доверие Лидии Анатольевны, которое я только начала завоевывать, рухнет в один момент, а вместе с ним и моя репутация в этой компании.

Если я скажу, что это просто совпадение, — это тоже ложь, но более безопасная. Многие люди носят одинаковые фамилии, в этом нет ничего необычного. Но Лидия Анатольевна не глупая женщина, она задала этот вопрос не случайно.

А если я скажу правду, но не всю? Если я скажу: «Мы знакомы, но сейчас наши отношения не обсуждаются»? Прозвучит уклончиво и подозрительно. Вызовет еще больше вопросов. Будет выглядеть так, будто я что-то скрываю. А люди не любят тех, кто что-то скрывает, особенно в первый же рабочий день.

Время тянется, каждая секунда моего молчания становится все более красноречивой. Лидия Анатольевна смотрит на меня с легким прищуром. Она уже сделала для себя какие-то выводы — возможно, неправильные.

Самое страшное даже не в том, что она подумает. А в том, что если правда выплывет, меня перестанут воспринимать как профессионала. Я стану «женой босса», которая устроилась сюда непонятно зачем. Мои успехи будут списывать на связи, а ошибки раздувать до небес. Каждое мое слово будут интерпретировать через призму того, что я связана с владельцем компании, и я потеряю то, что для меня сейчас

важнее всего, — возможность быть просто собой, строить себя заново и доказывать, что я чего-то стою. Не благодаря фамилии, а вопреки ей.

Уже хочу сказать что-то нейтральное… Что не будет ложью, но и не раскроет карты, — возможно, «это личное, и я бы не хотела это обсуждать», — но в этот момент на звонит телефон Лидии Анатольевны. Она бросает взгляд на экран, ее лицо меняется.

— Извините, — говорит. — Мне нужно ответить.

Она выходит в коридор, прикрывая за собой дверь.

Выдыхаю.

Так глубоко и облегченно, что плечи опускаются. Напряжение, которое скручивало меня последние минуты, начинает потихоньку отпускать. Звонок — это маленькое чудо, которое спасло меня от необходимости врать или раскрывать то, что я не готова раскрывать. Я не знаю, кто ей позвонил и о чем будет разговор, но я безумно благодарна тому человеку.

Лидия Анатольевна возвращается через минуту. Она смотрит на часы, потом на планшет, потом на меня. Вопрос о фамилии ушел в тень.

— Нужно срочно подняться к руководителю. Продолжим чуть позже. Пока осваивайтесь, разбирайте документы, если будут вопросы — пишите мне. Номера всех нужных людей у вас есть. А так же я добавила вас в несколько чатов.

— Хорошо. Спасибо.

День тянется медленно, но к вечеру я уже ориентируюсь в

документах и знаю, где что лежит. Ближе к шести мне необходимо сделать ксерокопии для завтрашнего совещания. В моем кабинете нет техники, и Лидия Анатольевна объяснила, что копировальный аппарат находится в конце коридора, в отдельной комнате.

Беру папку, выхожу в коридор и иду туда. Вечером здесь пусто — большинство сотрудников уже разошлись, свет горит только в нескольких кабинетах. Мои шаги по ковровой дорожке кажутся оглушительно громкими в этой тишине.

Принтерная оказывается небольшой комнатой. Здесь никого нет, и я выдыхаю с облегчением. Ставлю папку на стол, раскладываю документы и начинаю копировать. Гул техники заполняет пространство.

Как странно устроен этот день: я боялась его так сильно, а он оказался обычным. Имран не появился, не вызвал меня, даже не прислал поручения. Может быть, его вообще нет в офисе. Может, я накрутила себя, как всегда.

Забираю готовые копии, складываю их в папку, закрываю аппарат и, повернувшись к выходу, замираю.

В дверях стоит Имран.

Он вошел так тихо, что я не слышала ни шагов, ни звука открывающейся двери. Смотрит на меня в упор. В его руке две толстые папки, но он не спешит их класть. Прислонился плечом к косяку. В глазах нет злости, которой я ожидала. Он вообще никак не реагирует. Мне казалось, едва мф встретимся, он будет крушить вме вокруг. Бить словами, убивать

жестокостью. Однако ничего подобного не происходит. Я даже не знаю, хорошо это или плохо. Может, просто затишье перед бурей?

Имран закрывает за собой дверь.

Мы оказываемся одни в маленькой комнате.

Я же должна что-то сказать, верно? Но не могу. Ноги приросли к полу, руки сжимают папку так, что костяшки белеют, а в голове пустота, заполненная его взглядом. И присутствием, которое не оставляет места для воздуха.

Делаю вдох, собираю волю в кулак и поднимаю голову, глядя ему в глаза.

— Имран, — мой голос звучит хрипло. — Я не знаю, какие у тебя намерения, но… Нам нужно развестись. Люди задают неудобные вопросы. Я ношу твою фамилию. Почему ты не подал на развод?

Слова срываются с губ раньше, чем я успеваю их обдумать. Глядя на все еще мужа, жду ответа.

Имран не сразу отвечает. Он медленно отходит от двери, делает шаг ко мне, а я инстинктивно отступаю назад, упираясь спиной в край стола с копировальным аппаратом. Уголки его губ приподнимаются, изображая злую усмешку.

— Почему я не подал на развод? — голос низкий и тяжелый. — А почему не подала ты, Алина? Если тебе так хочется развестись, почему ты сама это не сделала?

Вопрос застает меня врасплох. Почему я не подала на развод? Я сбежала, спряталась, вычеркнула его из своей жизни

— или пыталась вычеркнуть, — но заявление так и не подала. У меня не было времени. Да и… я пыталась выжить. Боялась не только Имрана но и своего отца, которые не сжалился бы надо мной и сделал бы то, что мечтает сделать давно.

А потом я узнала, что ношу под сердцем малышка. Стало еще страшнее. Потому что боялась… А вдруг Имран узнает и отправит меня… избавиться? Ведь ему на меня наплевать. Зачем ему ребенок от такой женщины, как я?

Конечно, глупая и наивная часть меня, которую я так старалась убить, все еще надеялась… Надеялась, что он придет, найдет меня. Что скажет, что все это ошибка. Я, естественно, ненавижу себя за эту надежду, которая должна сих пор живет во мне. Наверное, именно поэтому я все еще ношу его фамилию. Поэтому я не подала на развод…

Я молчу слишком долго. Вижу, как меняется его лицо — напряжение спадает, и на его место приходит что-то другое, от чего мне становится еще страшнее.

— Думала, ты первый захочешь это сделать.

— Почему же?

Действительно, а почему я так думала?

Глава 8

Воздух в маленькой комнате становится тяжелее. Слишком тесно и слишком тихо.

Мне так хочется, чтобы кто-нибудь зашёл. Этот момент закончился. Смотреть на него невыносимо дотрагиваясь — настоящая пытка.

Но в то же время не хочу. Потому что надо избежать лишних разговоров. Если меня уже спросили, почему у нас с Имраном одинаковая фамилия, уверена, такие вопросы возникают у многих сотрудников в этой компании.

Имран делает еще один шаг ко мне.

Я же отступаю к стене. До тех пор, пока моя спина не упирается в холодную и гладкую стену. Дальше отступать некуда.

Карахан останавливается прямо передо мной.

Слишком близко.

Я чувствую его тепло, запах его парфюма, который когда-то казался мне самым родным на свете.

Сердце начинает биться быстрее.

Имран смотрит на меня так, словно пытается прочитать каждую мысль, которая мелькает у меня в голове.

А их слишком много.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, его рука поднимается. Пальцы касаются моего подбородка. Он обхватывает

мою челюсть и слегка сжимает, заставляя поднять голову.

Не больно.

Но властно.

Муж нависает надо мной. Наши лица так близко, что я чувствую его дыхание на своих губах.

Это слишком.

Руки машинально поднимаются и упираются в его грудь.

Тело предает меня.

Потому что вместо того, чтобы оттолкнуть его, как я должна была бы сделать, внутри поднимается совершенно другое желание.

Обнять.

Прижаться.

Спрятаться в его руках так, как несколько месяцев назад. Когда все казалось правильным. Когда я верила, что он мой муж, моя защита, мой мир.

Но противная картинка вспыхивает в памяти так ярко, будто это происходит прямо сейчас.

День свадьбы.

Другая девушка рядом с ним.

Я резко сжимаю пальцы на ткани его рубашки, словно удерживаю себя от падения.

Нет.

Нельзя.

Я заставляю себя вдохнуть.

— Имран… — голос выходит тише, чем я хотела. — Что

ты делаешь? Зайдут… увидят.

Он не оборачивается на дверь. Ему все равно.

Его пальцы на моей челюсти чуть сильнее сжимаются. Чувствую, как напрягается его рука.

Имран склоняется еще ближе.

Настолько, что между нашими губами остаются считанные сантиметры.

— Тебе разве не на руку? — ценит сквозь стиснутые зубы.

Я моргаю несколько раз. Шумно сглатываю. Клянусь, чувствую себя безвольной куклой, которая вот-вот рухнет на пол.

— Что?

Его глаза темнеют.

— Чтобы все знали… Тебе же на руку.

Он делает паузу, горько усмехается.

— Что ты моя жена.

Грудь болезненно сжимается.

— Это же тебе в плюс, — продолжает он низко. — Ты можешь использовать мою фамилию.

Вопросительно выгнув бровь, качаю головой.

— Нет.

— Нет? — переспрашивает с усмешкой.

— Я не хочу этого.

Имран прищуривается.

— Нет? — повторяет.

— Зачем мне использовать твою фамилию? — я смотрю

ему в глаза, хотя это требует всех моих сил. — Я не за счёт твоей фамилии тут оказалась.

На секунду между нами повисает тишина. А потом он хрипло смеется.

— Да?

Его лицо становится еще ближе.

— Да!

— Ты так уверена в себе?

Кровь приливает к лицу, но заставляю себя не отводить взгляд.

— Так уверена, что ты здесь не благодаря моей фамилии?

Вопрос бьет точно в цель.

Потому что… я сама об этом думала.

Не раз.

Хмурюсь и отвожу взгляд в сторону, упираясь глазами в край его плеча.

Отвечать не хочу.

— Отойди, Имран, — шепчу онемевшими губами.

Но он не двигается.

Его тело так близко, что кажется — стоит мне чуть наклониться, и я снова окажусь в его объятиях.

— Я не хочу неприятностей, — продолжаю хрипло. Облизываю языком губы. — Не хочу, чтобы про меня шептали всякую… чушь.

Имран смеется. Пялюсь на его рот, рядом белоснежных зубов, нехотя поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом.

Да, он смеется, но я не вижу никакой радости в его глазах.

— Отпусти. Пожалуйста… отойди.

Но другой голос внутри меня задает вопрос, который я боюсь даже сформулировать.

Если он сейчас действительно отпустит…

Почему мне кажется, что это будет больнее, чем если он останется?

Имран не отвечает сразу. Он продолжает смотреть на меня так, словно пытается найти в моём лице что-то, что я сама давно спрятала. Его пальцы держат мою челюсть, но хватка уже не такая жёсткая. Скорее удерживающая, чем принуждающая. Это странно. Когда-то я мечтала, чтобы он просто смотрел на меня вот так — внимательно, сосредоточенно, будто кроме меня больше никого не существует. Сейчас же этот взгляд вызывает только беспокойство. Потому что я не понимаю, что происходит у него в голове и чего он на самом деле хочет.

— Значит, тебе не нужна моя фамилия? — произносит наконец тихо, но в этой спокойствии чувствуется напряжение.

— Нет, — отвечаю я и сама удивляюсь тому, как твердо звучит мой голос.

— Как там твоя мать, сестра? Ты в курсе?

— Д-да. Сказали, что все хорошо… Разговаривала с ними пару раз.

Я не знаю, к чему этот вопрос. Но машинально отвечаю.

Вариантов нет.

— Может сказали для того, чтобы ты не беспокоилась, а?

Я выдыхаю. И об этом думала, да. Но… будь это так — отец надавил бы и узнал мое место. А сестра даже не интересовалась. Да, мы не вдавались в детали, как проживаем, но… Уверена, с ними все хорошо.

Имран слегка наклоняет голову, будто рассматривает меня с новой стороны. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах, и я машинально поджимаю их, потому что слишком хорошо помню, как этот взгляд когда-то заканчивался. Слишком хорошо помню, как легко я тогда таяла под ним. Сейчас я не могу позволить себе такую слабость.

— И развод тебе нужен только из-за разговоров? Чтобы тебя не обсуждали? — продолжает он. В его голосе вновь появляется едва заметная насмешка.

— Мне нужен развод, потому что это правильно.

Боже… Звучит насколько фальшиво. «Правильно».

Как будто в нашей истории вообще когда-то было что-то правильное.

— Почему ты сбежала, Алина?

Удивляюсь, а потом усмехаюсь. Он сейчас серьезно?

— Господи… Ты шутишь? Я…

Хочу сказать, что видела тебя с другой, но замолкаю, потому что из коридора доносятся голоса.

Громкие, явно не одного человека.

Имран реагирует мгновенно. Его рука исчезает с моего

лица. Он делает шаг назад. Расстояние между нами наконец появляется. Пусть небольшое, но достаточное, чтобы я снова могла дышать.

Быстро поправляю волосы. Хочется занять руки, чтобы скрыть дрожь.

Имран стоит чуть в стороне и смотрит на меня уже совсем другим взглядом.

Я наклоняюсь к столу, хватаю папку с документами, прижимаю её к груди.

— Мне нужно идти.

Он ничего не отвечает. Даже не пытается остановить меня.

Оказавшись снаружи, понимаю, что всё время, что мы находились с Имраном наедине, мои плечи были напряжены.

Следующие полчаса в офисе проходят как в тумане. Я возвращаюсь в кабинет, раскладываю документы, что-то печатаю на компьютере, отвечаю на пару сообщений в рабочих чатах, но позже ловлю себя на том, что почти ничего из этого не помню. Мысли всё время возвращаются к той комнате. К руке Имрана на моей челюсти, его взгляду и тому, как близко он стоял. Каждый раз, когда я вспоминаю это, внутри возникает странная смесь тревоги.

Закрываю ноутбук, собираю вещи и выхожу из кабинета. Спускаюсь вниз и выхожу из здания. Прохладный вечерний воздух наконец немного проясняет голову.

Дома становится легче. Я долго стою под душем, позволяя

горячей воде смыть усталость и напряжение этого дня. Но мысли, к сожалению, водой не смываются. Образ Имрана всё равно возвращается — слишком ярко и настойчиво.

Когда я наконец переодеваюсь и ложусь на кровать, кажется, что усталость наваливается на меня безумной тяжестью. Я тянусь к выключателю, собираясь погасить свет, но в этот момент звонит телефон.

На экране незнакомый номер.

— Алло…

— Привет, Алина, — звучит голос сестры. — Не спишь? Можем поговорить?

Глава 9

Телефон в руке кажется раскаленным.

Смотрю на экран, где высветился незнакомый номер, и в первые секунды думаю, что это кто-то из коллег. Может быть, Лидия Анатольевна решила уточнить что-то по работе или Екатерина Сергеевна хочет проверить, как прошел первый день. Бред, конечно, но мало ли…

Однако голос, который раздается в трубке, заставляет мое сердце пропустить удар, потому что этот голос я узнаю из тысячи — звонкий, чуть с хрипотцой. Такой родной и такой далекий одновременно.

— Привет, Алина.

— Алиса? — переспрашиваю. В моем вопросе столько недоверия, что сестра на том конце провода, уверена, чувствует это. — Алиса, это ты?

— Да, это я, — отвечает. Слышу, как она выдыхает, будто боялась, что я брошу трубку, не дослушав. — Ты можешь говорить?

Сижу на кровати, прижимая телефон к уху. Усмехаюсь, прикрываю глаза, а потом снова распахиваю. Нервно кусаю губы. Потому что не понимаю, откуда у сестры мой номер. Я звонила им с одноразовых сим-карт, которые покупала в автоматах у метро, использовала каждый раз новый номер и выбрасывала его после разговора, чтобы никто не мог меня

отследить. Я была осторожна. Была параноиком! Делала все, чтобы меня не нашли. А точнее, чтобы отец не дай бог не вышел на мой след. А Имран… ведь я знала, что рано или поздно мы вновь встретимся лицом к лицу.

— Могу, — отвечаю. — Но сначала скажи: откуда у тебя мой номер?

В трубке повисает тишина. Алиса делает вдох, она явно мнется, как будто не знает, с чего начать. Молчание длится всего несколько секунд, но для меня они растягиваются в вечность.

— Имран дал, — говорит она наконец, и эти два слова бьют меня под дых сильнее, чем если бы она сказала что угодно другое.

Имран.

Закрываю глаза и прислоняюсь затылком к стене, пытаясь переварить эту информацию. Имран дал сестре мой номер. Имран, который стоял сегодня в принтерной и смотрел на меня так, будто я его личная добыча. Имран, который сказал, что искал меня три месяца. Он знал. Он знал мой номер. Он знал, где я работаю. Он знал все.

Черт! Ведь когда я подавала резюме в «Альфа-Строй», указала свой настоящий номер телефона, что купила пару недель назад. И звонила с него только Кире и иногда в службы доставки. Ну и в старом рабочем месте знали…

Я совсем забыла, что в мире, где он владеет несколько компаниями, ему достаточно одного клика, чтобы получить

любую информацию о новом сотруднике.

— Имран дал, — в голосе звучит констатация факта, который я пытаюсь осознать.

— Мама ему позвонила, — торопливо объясняет Алиса, будто боится, что я сейчас начну кричать или брошу трубку. — Она плакала. Не могла больше ждать, Алина. Она просила его о тебе хоть что-то узнать, умоляла дать номер, чтобы просто услышать твой голос. И он... он не выдержал. Но мы дали обещание. Мы обещали, что ничего не будем спрашивать, только узнаем, как твои дела, твое самочувствие. Что только услышим твой голос и все.

Внутри смешиваются противоречивые чувства: облегчение от того, что я слышу голос сестры, злость на Имрана, который вмешивается в мою жизнь даже тогда, когда я думала, что спряталась. И липкий, противный страх от того, что Карахан наверняка знал обо мне все эти три месяца. Абсолютно все.

Эта мысль пожирает внутренности.

— Алина, — голос сестры становится тише, и я понимаю, что сейчас она скажет что-то важное. Наверное то, ради чего звонила на самом деле. — Перед тем, как передать трубку маме, я хочу сказать тебе кое-что.

— Что? — звучит хрипло.

— Имран о тебе всегда все знал, — озвучивает мою догадку вслух. — Абсолютно все. Где ты работала, где жила... Я услышала это собственными ушами. Он говорил со своей

матерью, и я слышала, как он перечислял... он знал все.

Комната перед глазами покачивается. Я сжимаю телефон так сильно, что пальцы немеют. Я не знаю, что испытываю. Злость? Нет, не думаю. Злость была бы слишком простой эмоцией для того, что я сейчас испытываю. Все время, пока я мыла посуду в ресторане… Пока я считала копейки, думала, что спряталась… Что я в безопасности, что я наконец-то свободна, — Имран знал, видел меня.

Боже мой… Какая же я дура!

Проклинаю себя! Клянусь! Лучше бы я в день свадьбы устроила скандал, когда увидела его с другой. Лучше бы сняла бы их на видео и показала бы всем гостям!

Но… после всего, что он для меня и моих родных сделал… Я не могла бы так поступить. Лучшим решением было сбежать.

— И да, — продолжает Алиса. Кажется, я слышу что-то вроде усмешки. — Я сказала ему, что ты видела его с другой. Знаешь, что он сделал?

Я не отвечаю. Жду, прижавшись руку к сердцу. А потом всё-таки выдавливаю из себя:

— Что?

— Он рассмеялся, — говорит сестра. — Просто рассмеялся. Как будто я пошутила…

Закрываю глаза, вижу лицо мужа — таким, каким оно было сегодня в принтерной, когда я сказала, что видела его с другой в день свадьбы. Он тогда не ответил. Промолчал. И

сейчас, когда Алиса говорит, что он рассмеялся, я понимаю, что в его молчании было что-то, чего я не смогла прочитать. Может быть, он хотел что-то сказать, но я не дала ему шанса. Или он просто не считал нужным оправдываться передо мной.

— Хватит, Алиса, — раздается в трубке голос матери. Сестра вздыхает, передает телефон, а в следующую секунду в моем ухе звучит совсем другой голос — мягкий, дрожащий и такой родной. — Как ты, доченька?

Мама… Боже, как же я соскучилась!

Прижимаю ладонь к губам, чтобы не зарыдать в трубку. Делаю глубокий вдох, пытаясь собраться. Если я сейчас начну плакать, не выдержу…

— Все хорошо, мам, — несмотря на то, что внутри все разрывается на части, мой голос звучит ровно. — Все замечательно.

— Мы обещали не задавать лишних вопросов, — говорит мать. Слышу, как она всхлипывает, пытается сдержать слезы. Мне так хочется обнять ее, прижать к себе, сказать, что все будет хорошо, но не могу. Я далеко, не могу до нее дотянуться. — Поэтому скажи мне только одно: ты себя хорошо чувствуешь? Все же прекрасно, как сказал Имран?

Как сказал Имран…

— Да, замечательно, — это ложь во спасение. — Не волнуйся. А вы как?

— Мы отлично, — голос мамы дрожит. Уверена, она пла-

чет. — Все, главное, я услышала тебя.

И снова всхлипывает, от чего мое сердце разрывается на куски.

— Надеюсь, скоро увидимся. До встречи, доченька.

Не дождавшись моего ответа, мама отключается.

Долго не могу прийти в себя после разговора с родными. Почему Имран не хочет, чтобы мы общались? А если я перезвоню Алисе? Что тогда?

Господи… Что опять творится? Для чего мой муж контактирует с моей семьей? Мы же разошлись. Пусть неофициально, но… Три месяца как живем вдали друг от друга.

Почему Имран не подал на развод? Меня, наверное, это больше всего волнует.

У него же есть связи, судя по тому, что мы даже в очередь не записывались в ЗАГСе. Карахан мог бы покончить с этой историей раз и навсегда. Однако он этого не сделал.

Почему?

Черт бы его побрал!

Прижав ладонь к животу, ложусь и, кажется, вырубаюсь сразу. А просыпаюсь, услышав дверной звонок. Резко сажусь, тру пальцами переносицу, а потом глаза. Нащупываю телефон, включаю экран. Я спала от силы часа два…

Кто в такое время? Кире еще рано. Да и у нее свои ключи есть.

Клянусь, после всего, что случилось… После всего, что я узнала… Не удивлюсь, если на пороге увижу Имрана Кара-

хан.

Глава 10

Подхожу к двери, встаю на цыпочки и приникаю к глазку.

И выдыхаю.

Так глубоко и облегченно, что плечи опускаются, а внутри отпускает липкий страх, который скручивал меня последние минуты.

Кира. Но не одна.

Рядом с ней стоит какая-то девушка — шатается, держится за перила и явно находится в состоянии, когда ноги уже не слушаются, а сознание плывет между реальностью и забытьем. Она пьяная.

Едва открываю дверь, в лицо сразу ударяет запах дешевого алкоголя и чужих духов.

— Алин, прости, — Кира морщится, виновато хлопает себя по карманам и закатывает глаза. — Я ключи дома забыла. Представляешь? Сегодня я торопилась, когда уходила, видимо, уронила…

Подруга кивает на девушку рядом, которая тут же икает и улыбается стеклянной, невидящей улыбкой.

— Это Светка, моя коллега, — поясняет, придерживая девушку за локоть, чтобы та не рухнула. — Она рассталась с мужем. Выгнал ее из дома, сволочь. Не к кому идти. Переночует у нас сегодня, ладно?

Смотрю на пьяную девушку. У нее заплаканное лицо, под

глазами размазана тушь. Неприятно видеть такую картину… Потому что это моя больная тема.

— Конечно, заходите, — пожимаю плечами, отступая в сторону, пропуская их в квартиру.

— Еще утром все было хорошо, — бормочет девушка. — Мы целовались, обнимались…

— Да-да. Завтра ты проснешься и все расскажешь, — отвечает ей Кира.

Она ведет Свету в свою комнату, что-то тихо говорит ей, помогает разуться и, кажется, укладывает на кровать. Я не жду их. Не предлагаю чай и не пытаюсь помочь. Потому что я сама безумно устала. Во мне столько боли, столько мыслей, которые не дают покоя, что чужую боль я просто не в силах впустить.

Возвращаюсь в свою комнату, закрываю за собой дверь, ложусь на кровать и смотрю в потолок.

Слышу, как Кира возится на кухне, а потом звенит посуда. Тихо говорит по телефону — кажется, объясняет кому-то, что завтра она не придет. Потом все стихает, и квартира погружается в тишину.

Закрываю глаза, прижимаю ладонь к животу и пытаюсь уснуть.

Но сон не приходит.

Как же хрупко все устроено в этом мире. Одна минута может разделить жизнь на «до» и «после». Человек, который еще утром пил с тобой кофе и строил планы на выходные, к

вечеру становится чужим, выгоняет тебя из дома. А ты стоишь на улице с пакетом вещей и не знаешь, куда идти.

А ведь несколько месяцев назад я думала, что свадьбы с Имраном… В этот раз по-настоящему. Клянусь, я поверила, что он любит меня. Ведь он так заботился…

Но… Я ошибалась.

Завтра новый день. Нужно выспаться, а я не могу. Едва закрываю глаза, вижу перед ними Имрана.

И только когда за окном начинает сереть, я проваливаюсь в беспокойное забытье, где нет снов.

Просыпаюсь и первое, что чувствую — это головная боль. Сегодня мне будет тяжело работать, я ни черта не выспалась, но обещаю себе, что ложиться буду рано. Как только приду домой — сразу спать.

В квартире тихо. Кира со Светой спят. Не бужу их, собираюсь бесшумно, наливаю себе кофе в термокружку и выхожу из квартиры, стараясь не хлопнуть дверью.

Дорога в офис проходит в тумане. В голове одна мысль: так не может продолжаться. Вчерашний разговор в принтерной, звонок сестры и слова о том, что Имран знал обо мне всё, — как петля, которая затягивается на шее. Не могу нормально дышать.

Я обязана поговорить с ним. Нужно закрыть все вопросы раз и навсегда.

До обеда работаю как заведенная — разбираю документы, отвечаю на письма. Улыбаюсь коллегам, которые заходят

познакомиться, хоть и внутри буря. Я прокручиваю в голове слова, которые скажу Имрану. Вопросы, которые задам. И ответы, которые хочу услышать.

Ближе к двум часам, когда в коридорах становится тихо, встаю из-за стола и выхожу из кабинета.

Понятия не имею, что скажу. И не знаю, как он отреагирует. Но в одном уверена точно, что отступать некуда.

Его кабинет в конце коридора. Останавливаюсь на секунду, делаю глубокий вдох и стучу.

Тишина.

Постучав еще раз, тяну ручку вниз и толкаю дверь.

Мир переворачивается.

За огромным столом сидит Имран. Но не это заставляет меня замереть на пороге, вцепившись в дверную ручку так, что костяшки белеют.

На его столе, на краю, сидит блондинка.

Ноги заброшены одна на другую, короткое платье задирается так высоко, что видно кружево чулок.

Странно, но внутри ничего не обрывается. Потому что обрываться уже нечему. Все важное оборвалось три месяца назад, в день свадьбы, когда я увидела их впервые.

Конечно, она здесь. Конечно, она имеет право сидеть на его столе, закинув ногу на ногу, в коротком платье, которое явно не для офиса. Чего я ожидала? Что он будет ждать меня? Что он бросит ее после того, как я сбежала?

Я не настолько наивна.

Да, мне больно. Да, неприятно. Но это боль не от неожиданности, а от подтверждения того, что я и так знала. Он не изменился. Он не принадлежал мне тогда, не принадлежит и сейчас. И никогда не станет принадлежать.

Лицо Имрана ничего не выражает — ни удивления, ни вины, ни желания объяснить. Но потом его взгляд меняется. Хмурится, глаза темнеют, челюсть сжимается. Он выглядит злым. Будто я пришла не вовремя, нарушила его покой.

Рука Карахан ложится на стол, он, кажется, собирается встать.

Я не жду.

Спокойно закрываю дверь и иду по коридору. Каждый шаг возвращает меня из того помещения в реальность, где я сотрудник, а не обиженная жена, которая застукала мужа с любовницей.

Захожу в свой кабинет, сажусь на стул и пялюсь на документы, которые разбирала до обеда. Буквы расплываются, хоть я не плачу. Сижу, понимая, что оставаться здесь не могу. Потому что Имран может прийти.

Я так хотела с ним поговорить, разложить все по полочкам. Однако сейчас такого желания совершенно не осталось.

Встав, выхожу в коридор и иду в туалет. Хорошо, что здесь никого нет. Включаю воду, смотрю на себя в зеркало и вижу покрасневшие глаза, которые горят так сильно, будто я плакала несколько часов. Хотя я не проронила ни слезинки.

Наверняка это слезы, которые не вышли наружу, но остались внутри и теперь жгут изнутри.

Умываюсь холодной водой несколько раз. Становится легче, но ненамного. Глаза все равно красные, лицо бледное, а внутри пустота и тяжесть одновременно.

Вытерев лицо бумажным полотенцем, поправляю воротник блузки. Распустив волосы, сглаживаю их рукой, собираю обратно в хвост и выхожу из туалета.

Возвращаюсь в кабинет, сажусь за стол и открываю ноутбук. Работа. Работа лечит. Или хотя бы отвлекает.

Совершенно не думаю о том, что видела. Не прокручиваю ту картинку в голове. Просто делаю свое дело, потому что завтра мне снова сюда прийти, и я должна быть готова к тому, что увижу Имрана в этом офисе. Может, с другой… А может и с ней. Он тоже увидит меня. И мы оба будем делать вид, что ничего не произошло.

Потому что это единственное, что нам остается. Мне уж точно.

Рабочий день подходит к концу, и я с облегчением закрываю ноутбук.

Пусть утром я была полна решимости поговорить с Имраном, задать все вопросы, закрыть гештальт. Теперь от этой решимости не осталось и следа. После того, что я увидела в его кабинете, говорить мне не о чем. Всё и так предельно ясно.

Собираю вещи, кладу телефон в сумку и выхожу в кори-

дор.

Не хочу домой, в пустую квартиру, где Кира, наверное, уже ушла на работу вместе со своей коллегой. Нет желания сидеть в четырех стенах и прокручивать в голове сегодняшний день. Лучше прогуляться. Проветрить голову. Пройтись по вечернему городу, собрать мысли в кучу, обдумать всё, что происходит в моей жизни.

Захожу в лифт, нажимаю кнопку первого этажа.

Я одна. Створки начинают медленно смыкаться, и в момент, когда между ними остается тонкая щель — в проем проскальзывает носок мужской туфли.

Створки послушно разъезжаются.

В лифт заходит Имран.

Он не смотрит на меня. Нажимает свою кнопку, становится у противоположной стены и только потом поднимает голову. Наши глаза встречаются, и я вижу в его взгляде то же самое, что и днем — хмурость и напряжение.

Лифт закрывается, и мы остаемся вдвоем в этой тесной кабине.

Между нами метр пространства и пропасть, которую не перепрыгнуть.

— Чего хотела? Зачем приходила?

— Поговорить. Но, видимо, выбрала не то время…

— Это точно, — усмехается. Я вижу это в зеркальной стене. — Обсуждать рабочие моменты нужно не со мной. Все вопросы к коллегам, кто по должности выше тебя.

Клянусь, он специально выводит меня на эмоции.

— Я не про работу…

— Вот как? — вопросительно выгибает бровь. — Личное я обсуждаю только с близкими людьми.

Так хочется как-нибудь подколоть… Но нет аргументов.

— Вообще-то… Я твоя жена. До сих пор. И если бы я не была близким тебе человеком… Давно избавился бы от меня. Или я ошибаюсь?

Глава 11

Имран поворачивается ко мне всем корпусом. Казалось бы, еще секунды назад он был так спокоен, а сейчас столько напряжения, что воздух в лифте становится плотным. Он делает шаг, и я инстинктивно отступаю назад, пока спина не упирается в холодную стену кабины.

Снова он загоняет меня в угол. Я опять чувствую себя дичью, которую заманили в ловушку. Только сейчас нет копировального аппарата и стола — только стальные стенки, зеркала и муж, нависающий надо мной, сокращающий расстояние до опасного.

— Ты права, — Имран говорит чуть ли не шепотом. Хрипотца в его голосе действует на оголенные нервы. — Я не подал на развод. И не собираюсь этого делать.

Смотрю в его темные глаза — в них нет ни капли той усмешки, что была минуту назад. Он говорит каждое слово так, будто выносит приговор или произносит клятву.

Господи, да что он хочет от меня?

Я не знаю. Ничего не знаю.

— У меня есть другие планы насчет тебя, — продолжает он. Тяжелая ладонь ложится на стену рядом с моим плечом.

Какие еще планы? Он не имеет права иметь на меня планы. Не после того, как поступил со мной в день свадьбы. Не после того, как целовал другую. И не после того, как сидел

с ней в своем кабинете, пока она развалилась на его столе, как у себя в спальне.

— Какие еще планы? — шепчу онемевшими губами. Смотрю мужу в глаза, хотя каждый миллиметр расстояния между нами кричит о том, что я должна отвести взгляд. — Я не собираюсь терпеть. Подам на развод. При первой же возможности. Да, тянула… Боялась, что отец найдет. Но больше не боюсь!

— Пользовалась моей фамилией, — зло усмехается. — Вот в чем причина.

Черт! Он ведь знает, что я мыла посуду! Работала неофициально! Хотя, да, могла бы воспользоваться и устроиться куда угодно!

— Ничего черта подобного! — цежу сквозь стиснутые зубы.

Имран не отвечает. В его взгляде мелькает что-то, что я не могу прочитать. Я вообще разучилась его понимать.

Лифт дергается и останавливается. Створки начинают разъезжаться, но мы не двигаемся и не смотрим на дверь. Только друг на друга. В застывшей секунде, когда время будто остановилось, меня накрывает воспоминание. Этим же взглядом он смотрел на меня в первую нашу ночь, когда я боялась даже дышать рядом с ним. Этими же руками он прижимал меня к себе, когда я плакала от того, что отец снова угрожает маме. Этими губами он шептал мне на ухо: «Я никому не дам тебя в обиду».

Я была счастлива. Верила ему. Любила!

Кто-то откашливается.

Имран резко дергается, будто его ударило током. Он отступает на шаг, потом на другой, проводит рукой по волосам, поправляет воротник рубашки — жест, который я знаю так хорошо. Он собирается с мыслями или прячет эмоции.

Я перевожу взгляд на дверь. На пороге стоит Лидия Анатольевна. Держит в руке планшет, на лице идеальная маска профессионала, но я вижу, как расширены ее зрачки. Она оценивает ситуацию. Нас двоих в лифте, слишком близко стоящих, с горящими глазами и сбитым дыханием.

Я краснею. Щеки вспыхивают так, будто я стою у открытого огня. Потому что она спрашивала про фамилию, а теперь видит нас вместе. Уже все поняла — не дура, взрослая женщина, которая работает в этой компании не первый год и умеет читать между строк.

— Добрый вечер, — заходит в кабину. — Имран Каримович, я к вам через пятнадцать минут. Сейчас нужно поговорить с юристом.

— Хорошо.

Стыд и злость смешиваются в горячий ком, который поднимается от груди к горлу. Прохожу мимо Лидии Анатольевны, не поднимая глаз. Быстрыми шагами иду к выходу.

Выхожу на улицу, вдыхаю холодный вечерний воздух и останавливаюсь у ступенек, чувствуя, как ноги подкашиваются.

Что хочет Имран? Какие у него планы? Почему я должна все это терпеть? Разве не легче раз и навсегда покончить со мной, а?

Трясу головой, отгоняя лишние мысли. Нельзя ему верить. Хотел бы что-то сделать — сделал бы за последние три месяца. И нельзя на что-то надеяться. Он уже один раз разбил меня. Второго раза не должно быть.

Не могу забыть все хорошее, что он для меня сделал. Дальше, в каком-то смысле я неблагодарная… Но… Как же жить с ним, если он спит с другой? Из-за того, что он помогает, я должна была спать с ним после того, как его ублажать другая?

Мерзость же!!!

До дома добираюсь как в тумане. Оказавшись в комнате, стягиваю с себя блузку и юбку. Спальня кажется какой-то другой. Слишком неаккуратной, что ли. А я не люблю такое.

Кира заходила? Что-то искала?

Нет, она без моего разрешения ничего не берет.

Одна дверца шкафа открыта. Я ее точно такой не оставляла. И оттуда торчит мой свитер.

Кто-то копался в моих вещах! Там же… Драгоценности, которые дарил мне Имран!

Внутри шкафа все кажется чужим — вещи висят не так, как я их оставляла. Свитер выглядывает из-под стопки, будто кто-то торопился и запихивал его обратно наспех.

Не могу думать, что Кира на такое способна. Ведь я ни

разу не видела, чтобы она подобное творила.

Опускаюсь на колени и вытаскиваю чемодан, в котором лежит мое свадебное платье. Расстегиваю молнию, откидываю крышку.

Платье на месте. Но оно лежит не так аккуратно, как я его уложила в последний раз. Запускаю руку под ткань, где между слоями фаты и шелка должна лежать шкатулка с драгоценностями, которые Имран подарил мне в день свадьбы.

Пальцы нащупывают пустоту.

Нет.

Переворачиваю платье, трясу его, засовываю руку в каждый угол чемодана, но шкатулки нигде нет. Только пустота и холодный шелк, который скользит между пальцами, словно издеваясь надо мной.

Драгоценностей нет.

Земля уходит из-под ног. Высыпаю содержимое шкафа на ковер. Одежды не так много: несколько кофт, джинсы, пара платьев на выход. Перебираю каждую вещь, засовываю руки в карманы, проверяю все уголки, но драгоценностей нигде нет. Исчезли. Испарились. Будто их никогда и не было.

А они были. Я помню тяжесть золота на шее, холод камней на запястьях. Я помню, как Имран надевал их на меня, глядя в глаза, и шептал: «Теперь ты моя». Я носила их всего один день. А потом сбежала, забрала с собой.

Теперь их нет.

Схватив телефон, набираю номер Киры. Вызов идет на

громкой связи, я слышу длинные гудки, и с каждым из них внутри нарастает паника. Она не отвечает. Звоню снова — тот же результат. Снова и снова. Без ответа.

Дрожащими пальцами пишу ей сообщение: «Кира, перезвони срочно. Пожалуйста».

И жду.

Секунды тянутся как часы. Я хожу по комнате, не находя себе места, прижимаю руки к животу, чувствуя, как внутри шевелится ребенок. Он чувствует мое состояние, будто он тоже напуган.

Я не хочу думать о Кире плохо. Она моя подруга. Она единственная, кто поддержал меня в этом городе, не задавал лишних вопросов, кто отдал мне свою лучшую юбку и купил блузку, когда у меня не было денег. Она не могла так поступить.

Не могла.

Но тогда кто?

В голове всплывает лицо Светы — заплаканное, пьяное, с размазанной тушью. Девушка, которую я впустила в дом, потому что пожалела.

Закрываю лицо руками, чувствуя, как по щекам текут слезы. Я не плакала давно — так, навзрыд, когда горло сжимается и нечем дышать. Но сейчас меня прорывает. Потому что эти драгоценности не просто золото и камни. Это последнее, что у меня осталось от того короткого счастья. Это память о мужчине, который, несмотря ни на что, был для меня всем.

Вытираю слезы тыльной стороной ладони, но они не останавливаются.

Я жду Киру до глубокой ночи.

Сижу на кровати, обхватив колени руками, и смотрю на дверь, прислушиваясь к каждому звуку. Мысли бешено носятся в голове: что скажу? Как спрошу? А если она не знает? А если знает, но боится признаться?

За окном давно темно, когда в замке поворачивается ключ.

Я вскакиваю и выхожу в коридор.

Кира заходит уставшая, снимает куртку, трет глаза, и только потом замечает меня — наверняка бледную, с красными глазами, стоящую посреди коридора в одной футболке.

— Алин? Ты чего не спишь? — она хмурится, не понимая.

— Где твоя подруга? Где Света? — мой голос дрожит.

— Что случилось? — Кира замирает, чувствуя неладное.

— Моих драгоценностей нет, — выдавливаю из себя с трудом. — Которые мне в день свадьбы подарил муж. Их нет. Я искала везде. Их нет.

Кира ахает, прижимая ладонь к губам.

— Алин... — шепчет она.

— Кто был в моей комнате, Кира? — смотрю на нее в упор. В моем взгляде, наверное, слишком много боли и отчаяния.

— После того, как ты ушла, — говорит она медленно, буд-

то сама не верит в то, что произносит, — через пару часов приехал муж Светы и увез ее. Я думала... я не знала...

— Она заходила в мою комнату?

— Да-а… Она сказала, что искала фен, — тихо отвечает подруга. В ее голосе столько вины, что мне хочется закричать. — Алин, клянусь, я не думала, что она могла так поступить. Я не подумала... Прости меня. Пожалуйста, прости.

Хочется кричать и обвинять. Хочется спросить, как она могла впустить в дом чужого человека... Но я понимаю, что она тоже верила. Она тоже пожалела. Как и я.

Подруга делает шаг ко мне, обнимает, прижимает к себе.

— Я найду их, — говорит она твердо. — Я узнаю, где она живет. Поговорю с ней. Мы вернем твои драгоценности. Обещаю.

Глава 12

НАЧИНАЯ СО СЛЕДУЮЩЕЙ ГЛАВЫ, ПРОДЫ БУДУТ ВЫХОДИТЬ ОБЪЕМНЫМИ)

Проходит несколько дней.

Я хожу на работу — разбираю документы, отвечаю на письма, улыбаюсь коллегам. Имрана я не видела ни разу после того случая в лифте, и, честно говоря, это даже к лучшему. Я не готова снова смотреть в его глаза и чувствовать, как внутри всё переворачивается.

Сегодня получила первый аванс. Деньги, заработанные на нормальной работе, а не копейки за горы грязной посуды. По пути домой зашла в магазин и купила себе новые вещи — пару блузок и теплый свитер. Мелочь, но приятно.

Однако потеря драгоценностей тяжелым камнем давит на плечи.

Каждый вечер я жду Киру. Она обещала узнать что-то о своей подруге, найти её и поговорить. И каждый вечер я надеюсь, что сегодня она придет с хорошими новостями.

Возвращается Кира как всегда поздно. А я толком не сплю последние дни, жду ее. Слышу, как поворачивается ключ в замке, и выхожу в коридор.

Она выглядит уставшей. Под глазами тени, волосы растрепаны, а во взгляде усталость и разочарование.

— Ну что? — спрашиваю, хоть и по ее лицу понимаю, что

ответ мне не понравится.

— Светы нет уже несколько дней, — Кира снимает куртку, вешает на вешалку и проходит на кухню. Я иду за ней. — Она не выходит на связь. На звонки не отвечает. На работе сказали, что не появлялась. Я даже съездила по адресу, который помнила, — там живут какие-то другие люди.

Сажусь на табурет, сглотнув подкативший к горлу ком.

— А её муж?

— Я и к нему поехала… Там Света жила последние несколько месяцев. Он выгнал меня, даже слова не дал сказать, — Кира проводит рукой по лицу. — Просто заорал, чтобы я убиралась, и захлопнул дверь. Я даже не успела спросить, где она. Мне все это не нравится…

Молчу. В голове пустота и тяжесть одновременно.

— Я дала ей шанс, — продолжает Кира. — Несколько дней я ждала, думала, может, одумается, вернет все по-хорошему. Но раз она не понимает... — подруга нервно сглатывает — Завтра идем в полицию. Писать заявление.

— В полицию? — переспрашиваю я, понимая, что это единственный выход.

— Да. У нас украли драгоценности из дома. Это кража. Полиция должна этим заниматься, — усталость трет лицо ладонью. — Это надо было сделать в тот день, но я не могла поверить, что Света на такое способна. Нужно будет сказать, сколько примерно стоили твои вещи. Ты помнишь?

Конечно, помню. Мысли же покупали их вместе и мои гла-

за на лоб полезли, когда я услышала сумму.

— Несколько сотен тысяч.

— Что? — Кира распахивает глаза.

— Да.

Она хватается за голову. Ее лицо бледнеет.

— Я подумала, что… Ну, цепочка какая-нибудь и кольцо там… Алин, ты... почему ты сразу не сказала?

— Ты так уверенно сказала, что найдёшь ее… Господи, какая же я дура. Так оберегала их, даже в самые тяжелые моменты не решилась продать, хотя могла бы это сделать и вообще насколько месяцев не работать.

Кира сидит, опустив голову. Ее плечи трясутся.

— Это я виновата, — говорит она глухо. — Я привела её в дом. Оставила её одну. Если бы я знала...

— Перестань… Ты не могла знать. Она твоя коллега, ты ей верила. Я сама разрешила ей остаться.

— Завтра идём в полицию, — повторяет Кира стальными тоном. — Я напишу заявление. И мы найдём эту тварь, чего бы мне это ни стоило.

Даже если найдут Свету, вернут мои драгоценности, осадок останется навсегда. Хотя я очень сомневаюсь…

Почему-то уверена, что Света больше не появится.

— Она мошенница, Кира. Я даже сомневаюсь, что у нее были проблемы с мужем…

Поднимаюсь с места.

— Она расплатится, — шмыгает носом подруга. — Кля-

нусь.

Иду в комнату, желая поскорее вырубиться. Сегодня сказали, что в офис приезжает брат Имрана. Рассказывали, какой он «плохой». Не знаю, что имели в виду, но… Мне стало страшно.

Я его никогда не видела. Но, зная истинный характер своего мужа, я могу не удивиться, познакомившись с его братом.

Утро начинается с тяжелой головы и ватных ног. Я почти не спала — мысли о драгоценностях, полиции и той стерве Свете, которая исчезла, не давали покоя. Но сегодня важный день. Приезжает брат Имрана, и, судя по тому, что говорят коллеги, расслабляться нельзя ни на минуту. Одна ошибка и администрация устроит разнос.

Через полтора часа сижу за своим столом, разбираю входящие документы, когда в дверь стучат. Поднимаю голову и вижу Лидию Анатольевну, стоящую на пороге.

— Алина, доброе утро, — она проходит в кабинет и кладет передо мной стопку бумаг. — Это нужно разобрать к обеду. Отсортируйте по отделам, срочные отметьте красным стикером. И пожалуйста, без ошибок.

— Хорошо, сделаю, — киваю, стараясь выглядеть бодрой, хотя внутри все дрожит от усталости.

— Выглядите вы неважно, — замечает женщина, прищурившись. — Не выспались?

— Не совсем…

— Значит, этой ночью необходимо. Под глазами темные круги образовались. Нельзя играть со здоровьем.

— Спасибо, постараюсь выспаться, — натягиваю на лицо улыбку. Из вежливости.

Лидия Анатольевна уходит, а я берусь за документы. Сортирую, раскладываю, помечаю. Работа отвлекает, но ненадолго.

Ближе к обеду понимаю, что мне нужно сделать копии — целую стопку документов для завтрашнего совещания. Собираю папки, выхожу в коридор и иду в принтерную. Там никого нет, что прекрасно. Буквально выдыхаю с облегчением.

Включаю аппарат, раскладываю документы и начинаю копировать. Гул техники заполняет комнату, и я погружаюсь в работу, перекладывая листы и одновременно проверяя, чтобы ничего не перепутать. Когда всё готово, раскладываю копии по папкам и уже собираюсь уходить.

Дверь неожиданно открывается. В помещение заходит Имран.

Такой хмурый и сосредоточенный. Смотрит так, будто не ожидал меня здесь увидеть. Взгляд скользит по мне, потом по столу, где лежат папки. Ни слова. Даже элементарного «здравствуй».

Карахан подходит, открывает несколько папок, бегло просматривает содержимое. Две из них забирает — просто видит, какие это документы, закрывает и засовывает под мышку. Выходит, не посмотрев на меня.

Дверь за ним закрывается, а я стою, вцепившись в край стола. Внутри бурлит обида и злость. Я не знаю, что чувствовать и думать. Как-то все странно. Слишком странно. Почему не посмотрел нормально? Будто я пустое место.

Беру себя в руки. Нужно проверить, что он взял. Открываю папки, которые остались, пересматриваю документы, вспоминаю, что копировала. Две папки, которые он забрал, — это отчеты по финансовым операциям за прошлый квартал и договоры с подрядчиками. Я готовила их для общего отдела.

Зачем они ему?

Не моё дело, конечно, но… Интересно же.

Собираю оставшиеся папки и выхожу в коридор. Иду к себе, прокручивая в голове поведение мужа. Он даже не спросил, как у меня дела. Не поинтересовался, почему я выгляжу так, будто не спала неделю. Наверное, так и должно быть на самом деле. И чего я вообще ожидала? Сама не знаю…

С одной стороны хочу, чтобы он держался от меня как можно дальше. А с другой… Так неприятно, когда он делает вид, что не знает меня.

А еще случай с драгоценностями не дает покоя. Ведь они были для меня так важны… Я их так хранила…

— Алина, — услышав за спиной мужской голос, застываю посреди коридора.

Низкий, с хрипотцой. Он звучит откуда-то сбоку, и я не сразу понимаю, чей он. Знакомый, но не узнаю.

Поворачиваю голову и вижу Карима Мурадовича. Он стоит у стены, скрестив руки на груди, смотрит на меня… с презрением, что ли... Высокий, седина на висках, дорогой костюм.

— Вы... — мой голос срывается. Оглядываюсь, надеясь, что никто нас не видит. Но ловлю взгляды нескольких сотрудников.

— Я… Не ожидала? Что ты тут делаешь? Какого черта?

Боже мой… Мне кажется, я провалюсь сквозь землю от стыда. Щеки горят, сердце стучит как бешеное.

— Простите, Карим Мурадович, но… Мне надо отнести документы.

— Опять сбегаешь? Кто тебя вообще сюда взял? Я уволю того человека сразу! Ясно? Тебя тут быть не должно!

— Отец, — раздается со стороны. Это Имран, но… одежда другая. Он был в другой несколько минут назад, в принтерной. И… его лицо выглядит как-то иначе.

Господи, кажется, я схожу с ума. Или это от стресса и недосыпа я так себя чувствую?

— Кто ее сюда принял, сын? — рычит свекор так, что, чувство, будто все в коридоре вибрирует.

— Не знаю. Пойдем, тебя ждут, — говорит Имран, взяв отца под локоть и тянет в сторону. Но в последний момент оборачивается и подмигивает мне.

Что бы это значило, а?

Глава 13

Чуть ли не бегом добираюсь до своего кабинета, захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, чувствуя, как сердце колотится, а ноги дрожат так сильно, что я боюсь сделать хотя бы один лишний шаг. Потому что не факт, что я не упаду. Так сильно давно не нервничала. Какое же ужасное чувство, когда тебя презирают и смотрят с ненавистью. Будто я личное оскорбление всей их семьи. Он не сказал ничего нового, ничего такого, чего я не ожидала бы услышать от человека, чей сын был опозорен в день свадьбы перед десятками гостей. Но от того, что я предвидела его реакцию, не становится легче. Слова все равно режут, впиваются под кожу и остаются там, отравляя изнутри.

Я же по сути оставила Имрана у алтаря. И плевать семья Карахан хотела бы на то, по какой причине я сбежала. Им все равно на меня и мои чувства. Для них важнее Имран и его репутация.

Отталкиваюсь от двери, прохожу к столу и падаю в кресло, закрывая лицо руками. В голове полный хаос. Мысли скачут, обгоняют друг друга, сталкиваются и рассыпаются на мелкие осколки. Я пытаюсь собрать их воедино, но не могу, потому что одна мысль перекрывает все остальные: что теперь будет? Как я смогу работать в этом месте, зная, что отец Имрана хочет меня уволить? Что он считает, что меня здесь не

должно быть, что он найдет того, кто меня принял, и уволит его? Я подставляю людей, которые дали мне шанс. Екатерину Сергеевну, которая поверила в меня. Лидию Анатольевну, которая учит меня, тратя свое время. Дать и Имран прекрасно знает, что я здесь работаю. К чему меня принимать, ждать, когда я подпишу контракт, а потом вот так вот оскорблять? При всех…

Хотят унизить? И что они заработают, растоптав меня прилюдно? Их ненависть исчезнет? Не думаю.

Сижу несколько минут, а может, и полчаса — я потеряла счет времени. Тру пальцами то лоб, то переносицу. Пытаюсь понять, как жить дальше. Смотрю в одну точку на стене, стараюсь унять дрожь в руках и убедить себя, что я справлюсь. Что я сильная, проходила через трудности и похуже. Но внутри пустота и тяжесть.

«Ты здесь чужая. Ты здесь не нужна. Ты опозорила их семью, и они никогда тебе этого не простят», — шепчет внутренний голос, вместо того, чтобы хоть как-то успокоить.

Невольно вспоминаю день свадьбы. Как сбежала в белом платье, оставила Имрана одного перед гостями, как села в такси и уехала в никуда. Тогда мне казалось, что я поступаю правильно. Что спасаю себя, не могу оставаться с мужчиной, который предал меня за несколько минут до церемонии. Не думала, что будет с ним, его семьей и их репутацией. Думала только о себе. Своей боли и… унижении.

Но сегодня, стоя перед Каримом Мурадовичем, я впервые

задумалась, что чувствовал Имран, когда я ушла. Да, он предал меня. Однако наши отношения изначально были странными, верно? Он не обещал мне верность, не говорил, что у нас будет «долго и счастливо». Я сама выдумала «любовь», а потом обиделась, увидев его с другой.

При всем моем желании считать виноватой только себя — я не могу этого сделать. Потому что… Насколько нужно быть ничтожеством, чтобы в день свадьбы, даже если с нелюбимой женщиной, можно целоваться с другой? Это же… подло. И раз есть другая — зачем устраивать церемонию и звать десятки гостей? Для чего?

Но я ответила той же монетой — унизила его перед всеми, кто был важен для него. Я сделала то, что он, возможно, не заслуживал, даже с учетом его поступка. Повела себя как ребенок, а не как взрослая женщина, которая умеет разговаривать, выяснять отношения, давать шанс на объяснение.

Я тоже виновата! Более чем…

Трясу головой, отгоняя лишние мысли. Сейчас не время для самокопания. Нужно успокоиться и работать. Делать вид, что ничего не случилось. Что я не слышала его слов. И что меня не трясет от страха и стыда одновременно.

Ближе к обеду понимаю, что не могу больше сидеть в кабинете. Мне нужно поесть. Я жду ребенка, и не имею права вредить ему своим безрассудством. Должна питаться, даже если кусок не лезет в горло. Даже если внутри все переворачивается от одной мысли о том, что мне придется выйти в

коридор и встретиться с чужими осуждающими взглядами.

Выхожу из кабинета. Коридор кажется длиннее, чем обычно. Каждый шаг дается с трудом, но я иду, держа спину прямой и голову поднятой, как учила меня мама: «Что бы ни случилось, дочка, не показывай, что тебе больно. Не давай людям власти над тобой».

Иду в столовую, по пути, конечно, чувствую на себе взгляды. Сотрудники, которых я видела каждый день последнюю неделю, которые улыбались мне, здоровались, желали хорошего дня, — теперь смотрят иначе. Кто-то отводит глаза, делая вид, что не заметил меня. Кто-то, наоборот, пялится в упор, не стесняясь. А кто-то перешептывается с коллегой, и я слышу свое имя, произнесенное шепотом, но достаточно громко, чтобы оно долетело до моих ушей.

— Это она?

— Да. Та самая, которая сбежала из-под венца от самого Карахан. С ума сошла?

— Она тут работает… Смелая. Или глупая? Как тут вообще оказалась? Как приняли ее?

Я сжимаю челюсти и ускоряю шаг. Не оборачиваюсь. Не замедляюсь. Не даю им увидеть, что меня задевает. Но внутри все кипит. Краска заливает щеки, ладони становятся липкими от пота, а сердце бьется как бешеное.

В столовой беру салат и чай, сажусь за свободный стол в углу, чтобы никого не видеть. И чтобы никто не видел меня. Ем, не чувствуя вкуса, просто потому что надо. Ребенок

внутри шевелится, напоминая:

«Я здесь, мама. Ты не одна. Ты должна быть сильной ради меня».

Глядя в окно на серое небо, думаю, как быстро изменилось ко мне отношение. Еще вчера я была новой сотрудницей, которую никто особо не замечал. Сегодня я «та самая Алина Карахан», главная сплетня этого офиса. И мне придется с этим жить. Или уйти. Но уйти — значит признать поражение. А я не хочу сдаваться. Не после всего, через что прошла.

Да контракт подписала. Мне надо будет заплатить штраф, если не буду выполнять свои обязанности.

После обеда возвращаюсь в кабинет и работаю до самого вечера, не поднимая головы. Документы, письма, звонки — я загружаю себя по максимуму, чтобы не думать, не вспоминать и не прокручивать в голове сегодняшний день. Работа лечит. И отвлекает. Работа единственное, что я сейчас могу контролировать.

Когда часы показывают конец рабочего дня, я с облегчением выдыхаю. Собираю вещи, выключаю компьютер и выхожу в коридор. На этот раз никого нет — большинство сотрудников уже разошлись. Едва оказываюсь на улице, позволяю себе расслабить плечи и сделать глубокий вдох.

Вечерний воздух холодный, но такой свежий... Закрываю на секунду глаза, ощущая, как напряжение начинает потихоньку отпускать.

— Алина, — слышу за спиной мужской голос.

Опять!

Может хватит, а?

Я устала!

Сердце пропускает удар.

Нехотя поворачиваюсь.

На ступеньках стоит мужчина. Высокий, темноволосый, в дорогом плаще. Смотрит на меня с легкой улыбкой.

Он делает шаг ко мне.

— Рад знакомству, Алина. Я Абдул.

Протягивает руку, на которую я пялюсь как ненормальная. Будто вижу что-то страшное и не знаю, как себя вести. Не понимаю, кто он и чего хочет. Мужчина, видимо поняв, что не получит от меня того, чего ждет, убирает ладонь в карман брюк.

— Простите, но я вас не узнаю. Мы знакомы?

— Нет. Но я буду рад познакомиться поближе.

— Кто вы?

— Сотрудник этой компании.

— Рада знакомству. Мое имя вы знаете. Простите, но мне пора. Я спешу.

Хочу развернуться и уйти, но вздрагиваю, услышав визг шин. Повернувшись голову, вижу в метрах десяти черный внедорожник. Боковое стекло опускается.

— Садись в машину, Алина, — как гром среди ясного неба звучит голос Имрана.

Я даже сопротивляться не хочу. Упираться нет смысла. Кивнув, быстрыми шагами иду к машине. Все происходит машинально. Я прекрасно понимаю, что могу отказаться, но… почему-то не могу этого сделать.

Открыв дверь, опускаюсь на переднее пассажирское сиденье. Едва успеваю застегнуть ремень безопасности, как Карахан жмет на газ и так же с визгом трогается с места.

— Господи, осторожнее…

— Чего он хотел? — ценит сквозь зубы.

— Кто?

— Тот, с кем ты разговаривала.

— Абдул? — вспоминаю его имя.

— Вижу, настолько сблизились, что…

— Я понятия не имею, кто он! — перебиваю. — И вообще, чего тебе надо, а? Лучше скажи, для чего меня взял в компанию? Чтобы все твои родственники по очереди оскорбляли меня? Этого добиваешься? У тебя прекрасно получается!

— Моих родственники? Что? О чем ты?

— Серьезно будешь строить из себя идиота?

Я не понимаю, почему Имран себя так ведет. Не понимаю! Хмурится, будто искренне недоумевает, о чем я говорю.

Отворачиваюсь к окну, мы больше не разговариваем. Я даже не спрашиваю, куда он меня везет, потому что буквально через минуты вижу знакомые улицы. Он останавливается у старого здания, где я живу.

Знает адрес, значит…

— Спасибо, что привез.

Расстегнул ремень, покидаю салон и направляюсь к подъезду. Имран идет следом.

— Ты куда?

— Разговаривать будем.

— О чем?

— Обо всем! — рявкает так, что я вздрагиваю, но больше ничего не спрашиваю. Пожав плечами, иду к лифту.

Поднимаемся на нужный этаж. Открываю дверь, вхожу в квартиру и снимаю обувь. Оставив сумку и верхнюю одежду в коридоре, иду на кухню.

Карахан следует по пятам.

— И? Что дальше? — сложив руки на груди, смотрю на него в упор.

Видимо, пора раскладывать все по полочкам. Время пришло.

— Ты опозорила меня перед всеми родственниками, — Имран наступает на меня. Я прижимаюсь спиной к стене — бежать больше некуда. Муж нависает надо мной скалой.

— Сбежала... — подтверждаю.

— Ты предала меня, — положив руку на мое плечо, скользит вниз: грудь, локоть, а потом... живот. Хмурится, заглядывая в глаза. — Что за черт? Ты что, беременна?

— Беременна, — сглотнув, киваю. Врать бессмысленно.

— Ты скрыла от меня моего ребенка?! — выплевывает

сквозь стиснутые зубы. — Ты...

— Не я, а ты! Во всем виноват именно ты! Изменил в день нашей свадьбы, — кричу в сердцах. — И, как я вижу, быстро забыл! А теперь смеешь меня обвинять...

— Ты. Не имела. Права! — обрывает жестко.

— Еще как имею! Я тебе не игрушка, ясно! Поиграл, а потом перешел к другой. А я буду ждать любимого мужа до глубокой ночи, пока он оттрахает других баб! Потом придет ко мне как ни в чем не бывало и переспит со мной!

— Что ты, блядь, несешь?

— Что, правда глаза колет? — ору ему в лицо. Имран поджимает губы, превращая их в тонкую полоску.

— Расплатишься. Переедешь ко мне, станешь покорной. Будешь делать все, что я потребую. Ясно тебе? Не понравится — родишь мне наследника, а потом свалишь к чертовой матери. Своего ребенка я воспитаю сам. В достатке!

девочки, буду рада увидеть вас в своей бесплатной истории

Горький Роман. Я так тебя любила

https://litnet.com/shrt/0JtI

Глава 14

Я не узнаю его…

Передо мной стоит не тот Имран, который когда-то обнимал меня, шептал на ухо что-то нежное и смотрел так, словно я самое ценное, что у него есть. Передо мной стоит чужой человек, который только что приказал мне переехать к нему, стать покорной и родить наследника, а потом убираться к чертовой матери.

Как он мог так измениться? Или он всегда таким был, а я просто не замечала, ослепленная своей любовью, наивностью и верой в то, что между нами происходит что-то настоящее?

Прокручиваю в голове наши дни вместе. Его заботу, нежность, то, как он смотрел на меня, когда думал, что я не вижу. Ведь я была уверена, что он влюблен. Была уверена, что я для него не временная женщина и не сделка, как изначально было спланировано. И даже не удобный вариант. Я действительно поверила, что он видит во мне кого-то особенного.

Но день свадьбы разрушил эту иллюзию.

Я до сих пор отчетливо помню картинку, как его руки лапали тело другой, а губы прижималась к ее губам. За несколько минут до церемонии, в доме своих родителей, где гости ждали, а я стояла в белом платье и верила в чудо.

Господи, какая же я дура… Он же предупреждал, чтобы

я не влюбилась.

Однако его забота выбила меня из колеи и заставила верить в бред.

Зачем я ему? Дочь какого-то кретина, который вставляет палки в колёса? Который ни о чем думает, кроме денег и выгоды?

Зачем ему связывать себя с такой семьей?

Именно в тот проклятый день поняла, что я для него всего лишь очередная временная подстилка, которую можно использовать, а когда надоест — выбросить.

Но зачем тогда надо было устраивать тот цирк? Зачем объявлять о свадьбе? Зачем приглашать столько гостей, если у тебя в планах быть с другой? Зачем смотреть на меня так, будто я воздух, без которого ты не можешь дышать?

Я не понимаю. И, кажется, никогда не пойму.

Имран наклоняется ко мне снова. Его лицо так близко, что я вижу каждую морщинку вокруг глаз. Каждую эмоцию, которая мелькает в его взгляде. Он смотрит с такой злостью? Или это не злоба, а что-то другое, что я не могу прочитать, потому что слишком устала? Слишком разбита, чтобы пытаться понять этого человека…

Внутри настолько горячо от злости на всю ситуацию, в которой я оказалась по собственной глупости, что, не выдержав, я толкаю Имрана в грудь.

Сильно. Он делает шаг назад, не ожидая такого сопротивления.

— Ты хоть сам себя слышишь? — голос срывается на крик, но мне плевать. Плевать на всё. — Ты можешь меня услышать?!

Глаза горят от ярости, а горло сдавливает. Ощущение, будто меня душат.

— Я тебе говорю одно, ты говоришь другое! — слова льются потоком, который вряд ли получится остановить. — Что я должна была сделать в день свадьбы, когда увидела тебя с другой? Когда ты целовал другую, а твои руки были на ее теле? Что я должна была делать, а? Закрывать на всё глаза? Улыбаться и делать вид, что ничего не произошло?

Карахан смотрит в упор. Его лицо — непроницаемая маска. Но я вижу, как напряжены его челюсти и сжаты кулаки. Ему есть что сказать? Или он просто не хочет?

— Ты думаешь, я должна была стоять и терпеть? — голос дрожит, но я не останавливаюсь. — Думаешь, я должна была выйти к гостям, взять тебя под руку и сделать вид, что я счастливая невеста, а ты мой любящий жених? После того, что я видела?

Я делаю шаг к нему, сокращая расстояние. Теперь уже я наступаю.

— Ты предал меня, Имран. В самый важный день. В тот момент, когда я должна была стать твоей женой по-настоящему. То есть… Когда ты прилюдно захотел заявить, что я твоя жена. И ты смеешь сейчас говорить мне про предательство? Смеешь обвинять меня в том, что я сбежала? Клянусь,

если бы не обращался со мной так… Нежно и заботливо, я бы не подумала ничего такого, что могло бы дать мне надежду. Если бы ты вел себя отстраненно, а не так, словно я самый важный человек в твоей жизни — не стала бы себя убиваться. Закрыла бы глаза, зная, что ты просто кобель и со мной лишь ради сделки! Но нет. Ты решил поиграть с моими чувствами, а потом наплевал на них! Ладно бы в какой-нибудь другой день…

Я замолкаю, тяжело дыша. В груди горит, в ушах шумит кровь, но мне хоть немного становится легче. Потому что я сказала всё, что копилось три месяца. Да, я высказалась! Наконец-то!

— Что за бред ты несёшь, Алина? В день свадьбы я опоздал из-за твоего отца. Приехал поздно и…

— Решил выпустить пар перед тем, как выйти к гостям, взяв меня за руку? — перебиваю с горькой усмешкой.

— Когда я пришел… Некоторых гостей не было. А мне сообщили, что ты ушла!

Качаю головой. А потом, опустив взгляд на пол, тру лоб и переносицу дрожащими пальцами. Выдыхаю.

— Уходи, Имран, — говорю шепотом. — Пожалуйста. Просто уходи. Хватит уже врать. Я так устала… Ты… Хочешь, чтобы я забыла то, что видела собственными глазами? Серьёзно? Хватит со мной играть. А ребенка… Можешь присутствовать в его жизни, я не против, но то, что ты сказал минуты назад… Этого не будет.

— Еще как будет, — рычит, схватив меня за руку чуть выше локтя и сжимает.

Оба застываем, услышав хлопок двери.

— Алина, ты дома? — слышу вымученный голос Киры.

— Да.

Через секунды подруга оказывается у двери кухни. Она удивленно распахивает глаза, видимо, увидев Имрана. А я в шоке от того, в каком она виде.

На лице синяки, ссадины. Одежда рваная. Она выглядит так, будто участвовала в разборках.

— Что с тобой? — подбегаю к ней. — Кира, что с тобой?

— Я нашла ту тварь, — переводит взгляд с Имрана на меня, шмыгает носом. — Нашла и потребовала вернуть твои драгоценности, но она напала на меня. Боже, Алина, мне так стыдно перед тобой.

А мне стыдно перед Имраном. Я бы не хотела, чтобы он что-то знал.

Повернув голову, бросаю Карахан через плечо:

— Уходи, Имран. Думаю, мы все обсудили.

— Ничего мы толком не обсудили. Но я ухожу. Собирай вещи, завтра тебя тут не будет.

Кира выгибает бровь, морщится. Кривит губы. Хватается за бок. Видимо, ей больно.

— Ты еще кто такой? — сморщившись снова, спрашивает Имрана.

— Муж, — бросает холодно. — И о каких драгоценностях

речь?

Выдыхаю.

— Тебя слишком много в моей жизни, Имран, — поворачиваюсь к нему всем корпусом. — Я к тебе не поеду. Твой отец сегодня мне столько всего наговорил, что, не думаю, что он будет в восторге от твоего решения. Поэтому… Тебе лучше держаться от меня как можно дальше.

Карахан поджимает губы. Ему, кажется, не нравится, что я говорю такие слова при чужом человеке. Тем более таким тоном. Но плевать.

— Я сам решаю, как и с кем жить, — ценит сквозь стиснутые зубы. — Собирай вещи. Или поедешь точно так же, как это было в прошлый раз — без всего. Не испытывай мое терпение, Алина. Я все сказал.

Глава 15

Дверь за Имраном закрывается с глухим стуком, и я наконец выдыхаю — так глубоко, что плечи опускаются, а спина, оказывается, была напряжена до боли.

Кира стоит посреди коридора, прижимая руку к боку. Ее лицо такое бледное, что мне становится страшно.

— Я пойду приму душ, — говорит она шепотом. — И мы все обсудим. Мне просто нужно... прийти в себя. Пятнадцать минут.

— Давай я тебе помогу, — предлагаю, делая шаг к ней. Она выглядит так, будто каждое движение дается ей через силу.

— Нет, — качает головой и кривит губы от боли. — Дай мне... пожалуйста. Пятнадцать минут. Я сама.

Судя по выражению ее лица, понимаю, что спорить бесполезно. Кира всегда была такой — упрямой, независимой, не любящей показывать слабость.

— Хотя бы дверь не закрывай изнутри, — прошу я. — Чтобы я знала, что с тобой все в порядке.

Она едва заметно кивает, хватается за стену и медленно идет в ванную. Я смотрю ей вслед, ощущая нарастающуюся внутри тревогу.

Возвращаюсь в комнату, сажусь на край кровати и смотрю в одну точку на стене. В голове каша из мыслей, которые

никак не хотят выстраиваться в логическую цепочку.

Имран. Его слова. Угрозы.

То, как он смотрел на меня, когда узнал о беременности — не было радости или удивления. Видела лишь злость, будто я украла у него что-то ценное. И при этом он требует, чтобы я переехала к нему. Чтобы стала покорной. И… родила наследника.

Как можно совмещать эти две вещи? Как можно требовать от человека жить с тобой и при этом относиться к нему как к вещи?

Машинально вспоминаю Карима Мурадовича, его ненавидящий взгляд и слова о том, что меня здесь не должно быть. Он не хочет меня видеть. Он считает, что я опозорила их семью. Конечно, прав. И если я перееду к Имрану, мне придется сталкиваться с этим взглядом снова и снова.

Нормальной жизни у меня не будет. Ни с Имраном, ни с его семьей.

Провожу рукой по животу, чувствуя, как ребенок шевелится.

— Что мне делать? — шепчу в пустоту. — Скажи мне, что делать.

Но ответа нет. Только тишина и тяжелые мысли, которые давят на плечи.

Через пятнадцать минут, тянущиеся вечность, из ванной выходит Кира. Она натянула на себя белый махровый халат. Волосы влажные, на лице свежие ссадины, — они стали еще

заметнее.

Подруга садится рядом со мной на кровать. Она морщится от каждого движения.

— Рассказывай, — говорю шепотом. — Что случилось?

Кира вздыхает, трет переносицу, собираясь с мыслями.

— Я нашла Свету, — начинает она. В ее голосе звучит такая усталость, что мне хочется обнять ее и сказать, что ничего не важно. Что драгоценности не стоят того, но она продолжает, и я не перебиваю: — Я выследила ее у торгового центра. Подошла, потребовала вернуть твои вещи. И она... она начала кричать. Прямо посреди улицы. Орала, что я к ней пристаю, что я психопатка.

Кира замолкает, а потом сглатывает. Ее руки дрожат, как и она сама.

— А потом она бросилась на меня, — продолжает сдавленно. — Ударила. Я не ожидала, не успела среагировать. А потом какой-то мужик подошел... ее друг, наверное, или случайный прохожий, не знаю. Он присоединился к ней. Они вдвоем...

Подруга не договаривает, но я и так все понимаю. Смотрю на ее синяки, ссадины, и на то, как она держится за бок. Внутри закипает безумная злость на ту Свету. Вообще на всех, кто осмеливается поднимать на других руку. Тем более, когда виноват сам.

— Кира, — выдыхаю, беря ее за руку. — Ты зря это сделала. Нужно было сразу вызвать полицию.

— Я знаю, — она опускает голову. — Но я думала, что смогу сама. Что испугаю ее, и она вернет твои вещи. Я не думала, что она настолько... бешеная.

— Пусть полиция решает. Это их работа. А ты... — сжимаю ее ладонь. — Ты мне дороже любых драгоценностей, поняла?

Кира поднимает на меня глаза. В них слезы, которые она сдерживает из последних сил.

— Прости меня, — шепчет она. — Все произошло из-за меня… Я виновата перед тобой.

— Ничего не из-за тебя, — перебиваю. — Ты не виновата. Лишь поверила человеку, а он оказался тварью. С кем не бывает.

— Я не должна была приводить ее в дом, — продолжает. — Если бы я знала...

— Никто не знал, Кира. Перестань винить себя.

Я осторожно обнимаю ее, чтобы не задеть больное место. Подруга вздрагивает, ее плечи трясутся от беззвучных рыданий.

— Все осталось позади, — говорю, гладя ее по спине. — Слышишь? Мы напишем заявление в полицию, и они разберутся. Избиение человека… За такое могут посадить. Кражу, может, мы не докажем, но сегодняшнюю ситуацию… Наверняка там были камеры видео наблюдения. Ну, хоть где-то… Я очень надеюсь. А ты больше никогда... никогда не делай так, поняла? Не рискуй собой. Не лезь в такие истории

одна.

Она кивает, уткнувшись мне в плечо.

Я же думаю, стоит ли собирать вещи. Их не так много, но…

Уверена, Имран не остановится, пока не добьется своего. А в нашем случае — пока не заберет меня к себе.

Интересно, куда же делась его блондинка?

Следующим утром я еду на работу, чувствуя себя зомби. Ночь прошла в тревоге и беспокойных мыслях — Имран, его угрозы, избитая Кира, пропавшие драгоценности. Всё смешалось в тяжелый клубок, который не распутать.

В офисе стараюсь погрузиться в работу — разбираю документы, ввожу данные в систему, проверяю счета. Уже через час голова начинает болеть от напряжения, но я заставляю себя продолжать. Лидия Анатольевна приносит новые поручения, и я благодарна ей за это — работа отвлекает. Но в то же время убивает. Потому что я хочу скорее поехать домой и отдохнуть. Сил не осталось. Пусть я обещала Кире поехать сегодня в участок… Не получится, уверена.

Имрана не видно, что замечательно. Его вчерашние слова выбили меня из колеи. Если бы не контракт, который я подписала, скорее всего ушла бы отсюда. Лучше уж мыть посуду, умирать от боли в спине, чем терпеть такое отношение к себе.

Семья Карахан меня ненавидит. И да, боюсь, что Имран

заберет моего ребёнка. Не покажет его мне. Потому что он однозначно хочет отомстить.

Время тянется слишком медленно. Смотрю на часы каждые десять минут, считая минуты до обеда, но когда стрелка подходит к двенадцати, дверь моего кабинета открывается без стука.

Входит Имран.

Замираю, вцепившись в ручку, которой только что что-то писала.

— Что тебе надо? — звучит напряженно.

Он не отвечает. Лишь пялится на меня — тяжело, изучающе, будто видит в первый раз. В его взгляде нет вчерашней злости, нет приказов и угроз. Только тишина и какой-то странный интерес.

Я не понимаю. Совсем.

Он делает шаг ко мне.

— Что тебе надо? — повторяю громче.

Тишина. И еще один шаг в мою сторону.

Я встаю из-за стола, отступая назад. Он же продолжает двигаться в мою сторону, и я отхожу до тех пор, пока спина не упирается в холодную стену.

Имран приближается. Его лицо — непроницаемая маска. Он не говорит ни слова — смотрит взглядом, от которого мне становится не по себе. Это не тот Имран, которого я знала. Этот другой. Слишком спокойный и тихий. В то же время пугающий.

— Отойди от меня, — цежу, упираясь ладонями в его грудь. — Не подходи. Слышишь? Отойди!

Карахан опять же не двигается. Его руки поднимаются, я уже готовлюсь к тому, что сейчас схватит меня за плечи, как вчера, но в этот момент дверь кабинета снова открывается.

Я перевожу взгляд на порог и… мир переворачивается. Кабинет начинает плыть перед глазами. А воздуха вообще становится чертовски мало.

Там тоже стоит Имран.

Такой же. Такой же рост, такие же плечи и черты лица. Но в другой одежде — в темно-синем пиджаке и черных брюках. Он устремляет взгляд ва меня, потом на мужчину, который стоит напротив, прижав меня к стене.

Я зажмуриваюсь. Сильно-сильно, до искр под веками. Опять распахиваю глаза, чтобы убедиться, что я схожу с ума. Мне кажется, что у меня галлюцинации. От недосыпа и стресса. Однако… Нет, это одинаковых человека. Один стоит у двери, второй передо мной.

— Что... — голос срывается. — Кто...

Я смотрю на того, кто стоит у двери. Потом на того, кто нависает надо мной. А потом снова на первого. Разницы нет. Абсолютно никакой. Те же глаза, тот же разрез губ, та же линия челюсти.

Братья.

У Имрана есть брат-близнец.

Осознание бьет наотрез. Земля уходит из-под ног. Они не

просто похожи — они идентичны. И я понятия не имею, кто из них мой муж, а кто — тот, кто только что вошел.

— Имран? — шепчу я, обращаясь то ли к одному, то ли к другому.

Тот, кто стоит у напротив усмехается.

— Отошел от нее, — рычит тот, что у двери, кивая в сторону. Я вижу на его шее татуировку, пялюсь на того, кто ближе. У него ее нет. Значит, мой муж тот, кто стоит на пороге.

— Ты же не хотел ее, — смеется второй брат, отталкиваясь от стены. — Вот я и пришел забрать. Ведь изначально она общалась со мной. Я ее похитил со свадьбы. А ты… переспал с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.